

Виктор Лаврентьевич Ларин¹

victorlar@mail.ru

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ О ПОЛИТИКЕ КИТАЯ И ЕГО РАЗВИТИИ ВО ВТОРОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ ХХІ в.²

Статья представляет собой аналитический обзор основных сфер и направлений исследований, которые посвящены развитию КНР и российско-китайских отношений в последнее десятилетие ХХІ в. и вышли из-под пера учёных, проживающих на территории Тихоокеанской России. Автор начинает с научных изданий, в которых публикуются статьи по данной тематике, переходит к характеристике наиболее интересных работ, в которых отражаются тенденции внутреннего развития КНР, некоторые аспекты внутренней и внешней политики китайского руководства, характер развития отдельных регионов, прежде всего Северо-Восточного Китая, и завершает статью анализом публикаций, посвящённых китайской политике в отношении России и российско-китайским отношениям. Сделан вывод, что дальневосточный угол зрения на Китай и его политику, может быть, не столь фундаментален, как столичный, но он более прагматичен, практичен и конкретен. В изучении ряда аспектов жизни и политики современного Китая учёные Тихоокеанской России находятся среди лидеров не только в российском, но и в мировом китаеведении. К числу таких аспектов относится анализ российско-китайских приграничных связей, общественного мнения о Китае, развития северо-восточных провинций КНР, арктических интересов и политики Пекина.

Ключевые слова: изучение Китая, китайская политика, развитие Китая, российско-китайские отношения, Тихоокеанская Россия.

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

² Первоначальный вариант статьи подготовлен при финансовой поддержке Академии современного Китая и современного мира при Управлении по делам издания литературы на иностранных языках КНР в рамках научного проекта «О китайском государственном управлении и российско-китайских отношениях в новую эпоху: взгляд российских экспертов с Дальнего Востока».

Victor L. Larin³

victorlar@mail.ru

PACIFIC RUSSIA RESEARCHERS ON CHINA POLITICS AND DEVELOPMENT IN THE SECOND DECADE OF 21ST CENTURY

The article is an analytical review of the main areas and directions of research that are devoted to the development of China and Russian-Chinese relations in the last decade of the 21st century and prepared by the scientists who live and work in Pacific Russia. The author begins with a survey of main scientific publications in which these works have been published, goes on to characterize the most interesting articles and books, which reflect the trends in the PRC's internal development, some aspects of Chinese domestic and foreign policies, the trends in particular regions' (primarily North-East China) development, and finally analyzes publications on Chinese policy towards Russia and Russian-Chinese relations. The author concludes that the Far Eastern scholars' vision of China and its policies may not look as fundamental as the approach of sinologists who present the metropolitan science, but it is more pragmatic, practical and concrete. In studying a number of aspects of modern China, scientists from Pacific Russia are among the leaders not only in Russian but in the world Sinology also. This remark concerns a study of Russian-Chinese cross-border relations, Russian public opinion about China, the development of the north-eastern provinces of PRC, as well as Beijing interests and policies in Arctic.

Keywords: China studies, Chinese policy, China development, Russia-China relations, Pacific Russia.

ВВЕДЕНИЕ

Наука и политика всегда идут рядом. Иногда власти страны данный факт демонстративно подчёркивают, как это делается в Китае, где официально декларируется курс на «научное развитие» (科学发展). Соответствующее положение в 2003 г. было закреплено в Уставе КПК, а в марте 2018 г. внесено в Конституцию страны. В других случаях связь политики с наукой оказывается почти незаметной, как случилось в современной России. Но при этом власть продолжает запрашивать у учёных различные справки и комментарии, иногда даже просматривает научные и популярные статьи, без чего она просто не способна ориентироваться в бурном море современной политики, в том числе того её сегмента, который связан со сферой международных отношений. Описанное касается не только взаимодействия между федеральной властью, с одной стороны, и «центральной» (московской) частью академического сообщества России, с другой, но и того информационно-аналитического пространства, которое сформировалось вдоль линии российско-китайской границы.

³ Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

С момента развала Советского Союза и открытия «железного занавеса» территория Тихоокеанской России, и особенно её приграничные районы, стала зоной активного, в значительной степени стихийного международного взаимодействия, бурного развития самых разнообразных по форме, содержанию и результатам связей между Россией и Китаем. Несколько параллельно случившихся в последние шесть лет событий в России и мире существенным образом повлияли на состояние этих связей. Среди таких событий — разлад в отношениях Москвы с США и Европой, принципиальные изменения во внешней политике Пекина (признание за Китаем статуса глобальной державы, провозглашение «китайской мечты» и инициативы «Пояса и пути»), изменения в характере, объёме и структуре российско-китайских отношений, новые подходы российского правительства к развитию восточных территорий страны, успех в реализации которых зависит в том числе от отклика на них китайского бизнеса, и др. Эти процессы потребовали от российской власти адекватной реакции, свежих взглядов, модификации политики, поневоле заставляли её обращаться к тому информационно-аналитическому пространству регионального уровня, которое максимально быстро, хотя и не всегда адекватно реагировало на указанные изменения. Присущее этой власти видение и понимание современного Китая, его идеологии и политики, целей и устремлений руководства, подходов последнего к государственному и глобальному управлению во многом зиждется на тех мыслях и идеях, которые циркулируют в данном пространстве. Соответственно, реакция власти — заявления, решения, конкретные действия — является производным от полученных таким образом знаний и представлений.

Первая печатная реакция академического сообщества Тихоокеанской России на принципиальные изменения в политике Пекина связана с публикацией первого тома избранных трудов Си Цзиньпина. Автор рецензии [109] сфокусировал внимание на трёх аспектах программы нового китайского лидера, вступившего на путь корректировки идеологических основ развития коммунистического Китая: концепции «китайской мечты», принципиальных вопросах внутреннего (социально-экономического, политического и др.) развития страны, а также её внешней политике. Анализируя материалы сборника, автор пришёл к заключению, что идея «китайской мечты» призвана сплотить государство и народ Китая, став главным лозунгом нового правления, и что в центре внутренней политики Си Цзиньпина будет находиться борьба с коррупцией, а международная деятельность КНР будет нацелена на строительство нового — «глобализированного», взаимозависимого и справедливого мира. Прогноз этот в значительной степени подтвердился.

Учитывая значимость для Тихоокеанской России приграничных отношений с Китаем, которая подтверждена исторически и не требует никаких дополнительных доказательств, дальневосточные учёные, казалось бы, и должны концентрироваться вокруг узкого сегмента проблем, связанных с приграничными связями с КНР, географически замыкаться

на Северо-Восточный Китай (СВК) и Дальний Восток России. На деле, как показывает анализ опубликованных работ, круг их интересов значительно шире, выходит далеко за пределы этого региона и касается самых разнообразных тем и проблем. Именно поэтому данная статья затрагивает достаточно широкий спектр исследований, касающихся различных сфер, направлений, оценок и выводов дальневосточных экспертов о развитии КНР и российско-китайских отношениях в период с 2013 по 2019 г.

Основным каналом, посредством которого исследователи Тихоокеанской России доносят до своих коллег, властей, широкой аудитории свои наблюдения, умозаключения, идеи, оценки и рекомендации относительно современного Китая и российско-китайских отношений, являются региональные академические журналы: «Россия и АТР» (издание ИИАЭ ДВО РАН), «Пространственная экономика» (Институт экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск), «Известия Восточного института» (ДВФУ), «Ойкумена» (ВГУЭС), «Таможенная политика России на Дальнем Востоке» (Владивостокский филиал РТА), а также информационно-аналитический бюллетень «У карты Тихого океана» (ИИАЭ ДВО РАН) и университетские «Вестники». Публикации в разных журналах отличаются по глубине, характеру и содержанию. В таких изданиях, как «Россия и АТР» и «Ойкумена», они более фундаментальные и аналитически глубокие. «Таможенная политика России на Дальнем Востоке» публикует скорее информационные статьи, предполагающие практическое применение, так как журнал ориентирован на конкретную аудиторию в лице таможенных работников. На страницах «Вестника ТОГУ» (Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск) представлено немало студенческих и аспирантских работ, поддержанных научными руководителями. «Известия Восточного института» находятся где-то посередине, пытаюсь делать и то, и другое. Отдельные статьи по теме размещены на страницах московских журналов «Мировая экономика и международные отношения» (ИМЭМО РАН), «Проблемы Дальнего Востока» (ИДВ РАН), «Сравнительная политика» (МГИМО-Университет), «Контуры глобальных трансформаций» (Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества») и др.

Достаточно большой массив публикаций содержится в сборниках докладов ежегодной конференции, которую с 2011 г. проводит Благовещенский государственный педагогический университет [102]. В большинстве своём представленные там тексты многообразны по характеру, но невелики по объёму и лаконичны по содержанию. Они интересны, скорее, как ориентир для понимания направлений и подходов к изучению современного Китая в вузах России, важны для аспирантов и студентов как площадка, на которой они могут разместить и представить свои первые научные изыскания, а также для преподавателей высших учебных заведений, которые подтверждают свою научную активность материалами конференций. Это замечание в полной мере касается также статей, опубликованных в «Вестниках» ТОГУ и ЗабГУ (Забайкальский государственный университет, г. Чита) и других вузовских изданий.

Существует также небольшое количество монографических работ последних лет, в которых в той или иной степени поднимается тема развития современного Китая и российско-китайских отношений.

В первой части статьи представлены исследования, в которых отражаются тенденции внутреннего развития КНР, некоторые аспекты внутренней и внешней политики китайского руководства, характер развития отдельных регионов, прежде всего Северо-Восточного Китая. Вторая часть посвящена российско-китайским отношениям в целом и китайской политике в отношении России в частности.

КИТАЙ: ТЕНДЕНЦИИ ВНУТРЕННЕГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Круг тем, связанных с внутренним развитием современного Китая, на которые обращают внимание исследователи, работающие на территории Тихоокеанской России, невелик. К их числу относятся: политические процессы в КНР, вопросы военного строительства и обеспечения безопасности страны, некоторые аспекты внешней политики, особенности развития пограничных с Россией провинций Северо-Восточного Китая. Причина такого ограниченного списка проста: небольшой круг исследователей, занимающихся изучением Китая.

Политические процессы в КНР. Одно из отличий дальневосточного крыла российского китаеведения от московского — малое количество маститых экспертов, готовых взять на себя полноформатный анализ политических, социальных, экономических и иных процессов, происходящих в современном Китае. Однако это отставание компенсируется коллективными усилиями: актуальные вопросы развития КНР анализируются в Центре азиатско-тихоокеанских исследований ИИАЭ ДВО РАН (ныне — Центр глобальных и региональных исследований) методом мозгового штурма в ходе регулярных круглых столов. Их результаты представлены в выпусках информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана»⁴ и аналитических записках, которые рассылаются в федеральные и региональные органы власти.

Одно из первых таких мероприятий, нацеленных на анализ нового этапа развития КНР, было проведено в ноябре 2012 г. и посвящено итогам XVIII съезда КПК. Перед участниками круглого стола была поставлена следующая задача: на основании документов съезда спрогнозировать дальнейшее развитие Китая и оценить возникающие в связи с этим вызовы и возможности для России [61]. Обсуждение этой темы было продолжено на двух последующих круглых столах. Первый из них был посвящён смене руководства практически во всех странах Северной Пацифики (июнь 2013 г.) [13], второй — итогам 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва

⁴ Электронная версия бюллетеня представлена на сайте Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН: <http://ihaefe.org/publishings/by-the-pacific-ocean-map>.

(декабрь 2013 г.) [62]. В ходе обсуждения были выработаны общие позиции. На основе анализа решений пленума в сфере государственного и партийного строительства, экономики, социальной, демографической, культурной и, конечно, внешней политики и международных отношений, эксперты спрогнозировали, что новое китайское руководство будет отдавать приоритет таким направлениям деятельности, как улучшение работы бюрократического аппарата, дальнейшая либерализация экономики, стабилизация политического режима, активизация международной деятельности. Они предположили, что избранный новым китайским руководством политический курс будет благоприятствовать развитию российско-китайских политических отношений, но не окажет прямого воздействия на отношения в сфере экономики [62]. Эксперты также обратили внимание на усиление националистической риторики в выступлениях китайских лидеров, считая её исторически неизбежной и видя в ней важный инструмент поддержания социальной стабильности и национального единства. По их мнению, появление концепции «китайской мечты» и идеи «возрождения величия китайской нации» было обусловлено необходимостью сплочения китайского социума. В то же время была выражена озабоченность, что эти идеи могут опосредованно способствовать усилению националистических настроений в обществе.

В рамках данной статьи не стоит задача детально анализировать, насколько оправдались оценки и предположения дальневосточных экспертов относительно трансформации внутренней и внешней политики Китая и её влияния на Россию. Достаточно будет сказать, что в большей своей части прогнозы были осторожными и по этой причине в основном исполнились.

Весной 2016 г. Центр азиатско-тихоокеанских исследований ИИАЭ ДВО РАН предпринял очередной мозговой штурм. На обсуждение были вынесены итоги мартовских сессий Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая, прежде всего 13-й пятилетний план развития КНР, определивший ориентиры движения китайского государства до 2020 г. [58]. По мнению экспертов, обе сессии подтвердили ранее наметившиеся тенденции: отход китайского руководства от социалистических установок, усиление националистических настроений и доминирование либеральных взглядов в вопросах социально-экономической жизни страны. Централизация власти и антикоррупционная кампания, с помощью которых Си Цзиньпин предпринял попытку качественно изменить китайскую бюрократию, были названы одними из наиболее заметных составляющих его политики [58, с. 7]. Оценивая реакцию китайского руководства на замедление темпов роста ВВП страны, эксперты констатировали, что правительство КНР ищет новые возможности для стимулирования подъёма экономики, отказывается от исчерпавшего себя экстенсивного пути развития, уделяет больше внимания качественному росту человеческого капитала, формированию инновационного производства, предоставлению качественных услуг [57, с. 10]. Были отмечены также стратегическая переориентация

Китая на расширение внутреннего спроса и наличие ряда социальных проблем, которые «пока трудно поддаются решению» [58, с. 17—20].

Объектом самого серьёзного за последние годы мозгового штурма дальневосточных экспертов по Китаю стали материалы XIX съезда КПК. 31 октября 2017 г. Центр азиатско-тихоокеанских исследований совместно с Генеральным консульством КНР в г. Владивостоке и Приморским отделением Общества российско-китайской дружбы провёл круглый стол «Итоги XIX съезда Коммунистической партии Китая: ожидания, оценки, перспективы» [57]. Главное внимание было обращено на новации в официальной идеологии КПК «в новую эпоху», состав нового руководства страны, изменения в его экономической и социальной политике, а также на реакцию Запада относительно предпринимаемых им действий.

По мнению экспертов, главной идеологической инновацией КНР последнего периода стало введение понятия «новый» в ключевую идеологию Дэн Сяопина о китайском обществе (к «социализму с китайской спецификой» добавлена формулировка «в новую эпоху») и смещение идеологии с «общественных» ориентиров (построение среднезажиточного общества к 2020 г.) на нацию и государство. Именно так трактовались идеи «китайской мечты» и превращения Китая к 2050 г. в «цянго» — сильную по своим качественным и количественным свойствам мировую державу [57, с. 4—10]. Эксперты отмечали, что политическая практика в Китае, в отличие от предыдущих двух десятилетий, стала менее предсказуема и субъективна, поскольку вместо коллективного руководства, предполагающего компромиссы, решение большинства вопросов замыкается на личность Си Цзиньпина [58, с. 19]. Несмотря на замедление темпов роста ВВП страны, генеральный секретарь КПК видит новые возможности для экономики в её качественном преобразовании, которое позволит сойти с практически исчерпавшего себя экстенсивного пути развития [57, с. 23], а главным содержанием вектора социальной политики остаётся «победа над бедностью» [57, с. 24]. Причиной агрессивной и преимущественно негативной реакции Запада на действия китайского руководства является меньшая предсказуемость внутривнутриполитических процессов и внешней политики КНР, нежели это было во времена Цзян Цзэмина и Ху Цзиньтао. Кроме того, внешнеполитические новации Си Цзиньпина расцениваются на Западе как прямой и открытый вызов американскому доминированию на международной арене, как сигнал о готовности Китая начать активный пересмотр западнцентричного международного порядка [57, с. 36].

Достаточно жёсткие оценки внутривнутриполитической ситуации в КНР предложил, отталкиваясь от анализа кадровой политики Си Цзиньпина, И.Ю. Зуенко. По его мнению, в течение 2012—2017 гг. новый председатель КНР произвёл настоящую «кадровую революцию» в руководстве провинциями, в результате чего большая часть новых региональных лидеров оказалась из числа лиц, лояльных Си Цзиньпину и его ближайшим соратникам. Эта тенденция чревата дальнейшей концентрацией власти в руках действующего председателя, установлением «режима персональной

диктатуры в маоистском духе» и отходом от принципов коллективного руководства и сменяемости поколений руководителей [39].

Интеграционные проекты в Евразии и китайская инициатива «Один пояс, один путь». В последние годы содержание сициньпиновской инициативы «Пояса и пути» и её практическая реализация привлекают немалое внимание экспертов. Это закономерно, поскольку большинство внешнеэкономических действий китайского руководства сегодня подаётся как составная часть этого амбициозного проекта. На российском Дальнем Востоке этот сюжет современной китайской политики рассматривается, прежде всего, в контексте его потенциального влияния на Россию в целом и её восточные районы в частности, а также на отношения между двумя государствами. Поскольку изначально стало очевидно, что восточные районы России в концепции «Пояса и пути» представлены лишь символически, то подходы к ней в регионе носили скорее абстрактно-теоретический, нежели практический характер.

Дальневосточные политологи подходили к рассмотрению инициативы «Пояса и пути» под углом различных интеграционных моделей, при этом их взгляды не всегда совпадали. Теоретические подходы и пристрастия авторов играли в данном случае ключевую роль. По мнению С.В. Севастьянова, несмотря на активную реализацию Китаем интеграционных проектов на пространстве Центральной и Южной Евразии, ключевым регионом для Пекина в этом отношении остаётся Восточная Азия. За счёт активного продвижения проектов в формате АСЕАН плюс три (АПТ), формирования переговорной повестки Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП), создания двух международных банков, Китай стал лидером восточноазиатского регионализма в торгово-экономической и финансовой сферах [105, с. 175]. С.В. Севастьянову оппонировал С.К. Песцов, который взглянул на инициативу «Пояса и пути» в контексте единого процесса переосмысления и трансформации общей стратегии внешней политики Китая в эпоху Си Цзиньпина и формирования принципиально новых подходов китайского руководства к регионализму [91, с. 60—61]. В центре интеграционных устремлений Китая, по мнению исследователя, находится Экономический пояс Шёлкового пути (ЭПШП), «нацеленный на практическую реализацию китайского видения евразийской (континентальной) интеграции». При этом более важным и фундаментальным геополитическим сдвигом в новейшей истории Китая следует, вероятно, считать его всё более очевидный акцент на море [90, с. 17, 22].

Отличие от прагматичных политологов, профессиональные историки, обратившие своё внимание на данную тему, более идеалистичны. Они тесно увязывают инициативу «Пояса и пути» с другой идеей Си Цзиньпина — созданием «сообщества единой судьбы», корни которой видят в идеологических системах конфуцианства, даосизма и буддизма, «отражающих ценность и духовную сущность традиционной китайской культуры», и полагают, что реализация этой задачи «имеет эпохальное значение для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством» [9, с. 58, 61].

Однако анализ практики реализации инициативы «Пояса и пути» на местах заставляет оценивать её куда критичнее и приземлённее. Именно такую позицию занял И.Ю. Зуенко. По мнению исследователя, китайские регионы весьма творчески используют стратегические установки Центра, в том числе концепцию строительства ЭПШП, любыми способами применяя её для продвижения местно-значимых проектов или новых инициатив в целях привлечения бюджетного финансирования и получения медийного эффекта. По этой причине, как полагает И.Ю. Зуенко, «риторика региональных китайских властей не должна вводить российскую сторону в заблуждение. Чаще всего это прагматичная политика, направленная на достижение конкретных конъюнктурных целей» [36, с. 10].

Столь же прагматичный подход, но уже в плане сопоставления содержания китайской инициативы «Пояса и пути» с российским концептом «Большой Евразии», оценки реалистичности идеи их «сопряжения» и возможности использовать интеграционные усилия Пекина и Москвы в интересах Тихоокеанской России и российско-китайского пограничья в целом, представлен в статье В.Л. Ларина [74]. Автор использует появление двух инициатив и попытки их «со-исполнения» как повод, чтобы ещё раз подтолкнуть правительства двух государств обратить более серьёзное внимание на роль их соседних территорий в двусторонних отношениях и усилить поиски новых форм и моделей сотрудничества, пригодных для новых условий и нового геополитического пространства — Восточной Евразии.

Военное строительство и обеспечение безопасности Китая. Вопросы военного строительства и военной политики китайского руководства дальневосточные исследователи, как правило, рассматривают в контексте внешнеполитических устремлений КНР. Публикаций такого вида немного. К их числу относятся статьи и короткие комментарии Е.А. Разумова и В.Ю. Мишина [101], А.В. Губина [19; 20] и С.Ю. Врадия [58, с. 11—13].

При этом характер даваемых авторами оценок несколько отличается. С.Ю. Врадий предположил, что крупномасштабная военная реформа Китая символизирует переход от поиска ассиметричных ответов на новшества западной военной мысли к активному применению инноваций в собственной практике, основанной на успехах, достигнутых в сфере оборонной промышленности, и отчасти направлена на ослабление американского влияния в АТР [58, с. 13].

В свою очередь, Е.А. Разумов и В.Ю. Мишин попытались показать, что современный этап реформирования Народно-освободительной армии Китая (НОАК) отражает, прежде всего, объективную необходимость ускорения модернизации страны и связан с появлением новых концепций развития стран мира, с масштабным применением в военной сфере интеллектуального оружия и других инновационных технологий, а также современных форм ведения боевых действий. Авторы приходят к выводу, что «реформа НОАК преследует цели строго оборонительного характера. Военная политика и военно-стратегический курс руководства Китая

исходит от „активной обороны“ с целью создания армии нового типа, способной защитить национальные интересы страны и поддерживать мир в регионе» [101, с. 236].

А.В. Губин уделял основное внимание военно-морской доктрине КНР и технической модернизации Военно-морских сил Китая. По его мнению, современное развитие ВМС КНР укладывается в рамки доктрины создания флота для действий в ближней океанической зоне. Исследователь полагает, что от китайского руководства следует ожидать более активных действий по использованию военно-морского флота не только для защиты государственного суверенитета, в том числе в акваториях, на которые Пекин предъявляет свои права, но и для укрепления комплексного влияния районах мира, представляющих для него непосредственный интерес [20, с. 198]. При этом автор поддерживает позицию некоторых московских исследователей, которые уверены, что рост технического уровня и численности состава НОАК пока не даёт Китаю решающего морского превосходства в регионе, однако неизменно представляет угрозу для ключевых государств АТР, включая Российскую Федерацию [19, с. 33].

Под эти же углом зрения А.В. Губин рассматривал морские территориальные споры Китая с соседями, в частности с Японией. Автор уверен, что китайское руководство будет отстаивать свои интересы в Восточно-Китайском море любым, в том числе военным путём, поскольку оно всячески демонстрирует это посредством активных действий своих ВМС в регионе. Одновременно он пытался оценить и объяснить позицию Москвы по отношению к данному конфликту. Отстранённость Москвы А.В. Губин объяснил её намерением и далее развивать стратегические отношения с Пекином и в то же время — нежеланием портить отношения с Токио. Не забывал он и про фактор США [21].

Любопытный взгляд на японо-китайский конфликт в Восточно-Китайском море предложили два японоведа — Ж.М. Баженова и Е.А. Колегова [3]. Поводом к появлению статьи стали публикации в некоторых китайских СМИ, озвучившие претензии Китая на о. Окинава. Проанализировав историю взаимоотношений Окинавы с Китаем и Японией, авторы сделали вывод, что в становлении и развитии государственности на о-вах Рюкю заметную роль сыграли обе страны. Однако если связь с Китаем позволила Рюкю стать одним из самых ярких и космополитических регионов в Восточной и Юго-Восточной Азии, то в отношениях Окинавы с Японией накопилось много противоречий. Сегодня они позволяют националистически настроенным кругам Окинавы продвигать идею независимости острова. Это ведёт к усилению напряжённости в отношениях между Окинавой и Токио, что КНР умело использует для взращивания движения за возрождение Рюкю. С одной стороны, это делается для того, чтобы бросить очередной вызов гегемонии США, чья военная группировка на Окинаве является самой крупной в регионе, с другой — чтобы оказать давление на Японию, в первую очередь в территориальном споре по проблемам принадлежности о-вов Сэнкаку (Дяюй). Авторы также отметили, что претензии КНР

на Окинаву поднимались только в рамках медиапространства, а поэтому называли перспективы их выхода в правовое поле маловероятными [3, с. 42].

Другие исследователи писали о территориальных спорах Китая в Южно-Китайском море. Они преимущественно стремились выдержать позицию беспристрастного наблюдателя, ограничиваясь изложением позиций сторон и избегая давать оценки их взглядам и поведению [29; 122].

Один из аспектов, которому уделяют внимание дальневосточные эксперты, — это борьба с коррупцией в Китае, в том числе в армии, и использование для этого НОАК. Посвятив две статьи [26; 27] данным вопросам, Л.В. Забровская пришла к выводу, что движение за искоренение коррупции, объявленное основной внутривластной задачей после XVIII съезда КПК, приобрело серьёзный масштаб и затронуло как высокопоставленных партийно-правительственных чиновников, так и армию. Автор предположила, что исключительная строгость мер, которые принимают в отношении коррупционеров китайские власти, свидетельствует о серьёзности их намерений. Результатом этих действий может стать укрепление политико-идеологических связей в правящих кругах Китая, консолидация элиты вокруг пятого поколения китайских руководителей и, как следствие, углубление экономических реформ.

Другим аспектам обеспечения безопасности КНР внимание уделяется в меньшей степени. К вопросам кибербезопасности подступает Е.А. Разумов [99], энергетические аспекты проблемы поднимает А.С. Голобоков. По мнению последнего, Китай ориентируется на универсальную архитектуру региональной энергетической безопасности, которая будет опираться на сеть финансовых инструментов, неформальных контактов государственных, деловых и академических кругов, а поэтому выстраивает в Северо-Восточной Азии собственную систему региональной безопасности. С этой целью Китай создаёт структуру производства, в большей степени соответствующую задачам его модернизации и технического обновления [16].

Экономическое развитие. Поскольку руководство КПК и КНР считает модернизацию аграрно-промышленного комплекса страны одной из своих ключевых задач, в том числе увязывает её с решением проблемы продовольственной безопасности страны, дальневосточные исследователи не могли пройти мимо этой темы. Публикации одного из ветеранов китайоведения на Дальнем Востоке России Г.П. Белоглазова, который много лет занимается аграрными проблемами Китая, посвящены преобразованиям китайской деревни и модернизации современного китайского АПК [7; 8]. Отмечая положительную динамику в производстве сельскохозяйственной продукции страны, автор в то же время фиксирует наличие немалых проблем в её аграрном комплексе. К их числу относятся: зависимость КНР от импорта ряда стратегических сельскохозяйственных продуктов, что связано с обеспечением продовольственной безопасности; неблагоприятная экологическая ситуация, серьёзно влияющая на объёмы производства и качество сельхозпродукции; разрыв в доходах городского и сельского

населения и др. Отдельно рассматриваются перспективы аграрного сотрудничества Китая с Россией, в том числе с её восточными районами. По мнению эксперта, развитие такого взаимодействия может быть исключительно выгодно обеим сторонам.

Обзорная статья А.Б. Бардаль, посвящённая состоянию транспортного комплекса КНР [5], даёт общие представления и некоторый статистический материал о современном состоянии этой отрасли экономики страны и основных трендах её развития.

Некоторые другие аспекты внутреннего развития Китая. Ещё одна важная сторона, на которую, к сожалению, редко обращают внимание в России, — это развитие научно-технического и образовательного потенциала Китая. Статьи С.А. Иванова [47] в какой-то степени восполняют эту лакуну применительно к науке, а группы преподавателей Тихоокеанского государственного университета — в отношении науки [31] и высшего образования [30; 88]. В частности, С.А. Иванов, отталкиваясь от высказываний Си Цзиньпина о важности науки и инноваций для развития страны, опираясь на законодательные и программные документы КНР и данные статистики, анализирует различные аспекты (экономические, организационно-управленческие, сугубо научные) научно-технической политики китайского руководства в последние годы и приходит к выводу, что главным направлением реформ является повышение эффективности управления наукой и качества научно-исследовательских работ. Автор уверен, что Китаю уже удалось добиться немалых результатов на этом пути.

Буквально единичными являются статьи по некоторым аспектам внутренней жизни КНР, обращение авторов к которым иногда кажется случайным или обусловленным накоплением какого-то попутного материала при разработке основной темы исследования. К числу таких публикаций можно отнести работы о развитии китайского туризма [117], рынка рекламных услуг [68] и системы социального кредита [100], а также о структуре и деятельности Синьцзянского производственно-строительного корпуса [10].

Нельзя не отметить по-своему уникальные для российского китаеведения попытки проанализировать систему современных ценностных ориентаций китайской молодёжи, сопоставив её с взглядами студентов в соседних странах: России, Японии и Южной Корее [24; 124]. Исследование, предпринятое на основе социологических опросов в ведущих вузах Пекина, Шанхая, Чанчуня, а также анкетирования китайских студентов, обучавшихся во Владивостоке, показало как общие, так и особые черты в присущей молодёжи разных стран системе жизненных ценностей. В частности, китайские студенты продемонстрировали самый высокий уровень оптимизма и уверенности в будущем среди всех опрошенных в четырёх странах молодых людей.

Среди дальневосточных публикаций присутствуют и в какой-то степени экзотические темы, как, например, анализ Закона о регулировании государственной гражданской службы в КНР, который, как считает автор работы, «может быть использован для совершенствования регулирования

в РФ деятельности государственных гражданских служащих» [1], или законодательства КНР в сфере домашнего насилия [69].

Наконец, нельзя не упомянуть серию статей И.Ю. Зуенко, посвящённых игровым видам спорта в современном Китае: футболу, баскетболу и пока экзотическому для Китая хоккею [34; 37; 38; 40]. При этом автор увязывает политику Пекина по развитию данных видов спорта с реализацией концепции «китайской мечты» — возрождением величия китайской нации во всех сферах жизни общества, в том числе в спорте высших достижений, а спортивные успехи той или иной территории страны — с уровнем развития её экономики.

Северо-Восточный Китай. Изучение истории, культуры и различных аспектов современной жизни этого региона являлось одной из главных задач Института истории ДВО РАН с момента его образования в 1971 г. Традиция продолжается. Зависимость российско-китайского регионального сотрудничества от ситуации на Северо-Востоке КНР и близость данной территории к Тихоокеанской России априори делает эту тему актуальной. В центре внимания исследователей находились вопросы экономической модернизации Северо-Востока и, естественно, его связи с Россией.

В 2012 г. в преддверии XVIII съезда КПК в Центре азиатско-тихоокеанских исследований ИИАЭ ДВО РАН был осуществлён комплексный анализ ситуации в Северо-Восточном Китае. Была сделана попытка оценить его современное состояние и ближайшее будущее через призму региональной политики центрального правительства, ключевых трендов его социально-экономического и демографического развития, внешнеэкономических связей, прежде всего с Россией. Материал был подготовлен группой молодых сотрудников отдела китаеведения (к.и.н. И.В. Ставров, А.С. Веремейчик, И.Ю. Зуенко) и отдела международных отношений и проблем безопасности (С.А. Иванов) [106].

Авторы пришли к выводу, что, несмотря на неоднократные заявления со стороны центрального правительства о намерении продолжить политику возрождения северо-восточных территорий, его финансовая и административная поддержка в начале XXI в. была точечной и властям так и не удалось выполнить планы по диверсификации экономики региона. Неоднозначные процессы происходили в структуре населения. С одной стороны, наблюдался рост его образовательного и культурного уровня, увеличивалась доля городских жителей, происходило некоторое выравнивание дисбаланса полового состава. С другой — замедлился естественный прирост, ускорились темпы старения, увеличились внутренние миграции и отток населения за пределы региона.

И в последующие годы эти исследователи уделяли основное внимание пониманию роли и места СВК в общей стратегии развития КНР, перспективам его модернизации в условиях снижения темпов роста экономики страны. Этому вопросу посвящены публикации С.А. Иванова [51], И.В. Ставрова [108; 113], И.Ю. Зуенко [58, с. 24—28].

В частности, И.В. Ставров подробно изучал замыслы китайского руководства, нацеленные на «возрождение старой промышленной базы

Северо-Востока»: планы социально-экономического развития КНР на 12-ю и 13-ю пятилетки, программу возрождения Северо-Восточного Китая, «мнения ЦК КПК и Госсовета относительно всестороннего возрождения Северо-Востока и других старопромышленных баз» и др. Исследователь сделал вывод, что в документах, принятых после прихода к власти команды Си Цзиньпина, всё большее внимание уделялось качественным показателям, непосредственно влияющим на повседневную жизнь граждан (экология, занятость и уровень доходов), а также показателям эффективности экономики (производительность труда, наукоёмкость и т.п.). По мнению автора, эти и другие обстоятельства свидетельствовали о фактическом отходе китайского руководства от политики «возрождения СВК», переходе к перепрофилированию экономики региона и поиску новых механизмов его развития [108, с. 80—82]. Результатом этого перепрофилирования в последние годы стало некоторое сокращение доли госсектора и тяжёлой промышленности в структуре экономики региона, подъём сельского хозяйства и существенное расширение сферы услуг [113, с. 186].

С.А. Иванов, рассуждая о последнем периоде развития региона, в частности, сделал вывод, что Центр приступил к реализации нового цикла политики возрождения СВК, в котором существенное место отведено возвращению у местных руководителей «нового мышления», внедрению рыночных принципов управления, отказу от ручного регулирования и повышению прозрачности деятельности власти [51, с. 58]. По мнению И.Ю. Зуенко, в условиях общего замедления темпов развития экономики Китая, вопросы социальной напряжённости становились для Северо-Востока страны всё более ощутимыми. Эксперт предположил, что региональные власти постараются компенсировать сложности в социально-экономической сфере за счёт увеличения международной активности, в том числе посредством развития связей с Россией. Однако китайское приграничье вряд ли сможет стать катализатором экономического роста Дальнего Востока России [58, с. 28].

Поскольку экологическая обстановка в Северо-Восточном Китае напрямую влияет на жизнь сопредельных российских территорий, проблемы её состояния, а также возможности российско-китайского сотрудничества в области охраны окружающей среды периодически поднимались экспертами. Одним из активных проводников идеи совместного сохранения и развития уникальных ресурсов трансграничных территорий выступал нынешний научный руководитель Института географии ДВО РАН, много лет бывший его директором, академик П.Я. Бакланов. В частности, рассуждая о трансграничных угрозах для Тихоокеанской России, он акцентировал внимание на опасности воздействия загрязняемых в Китае речных вод на всю экосистему Амура, выбросах китайской промышленности, которые вместе с циклонами переносятся на Приморский и Хабаровский края, а также Сахалинскую область. П.Я. Бакланов считал необходимым, чтобы в основу пространственного развития бассейна Амура были положены долговременные международные договоры и системы мониторинга [4].

Вопросами состояния окружающей среды Северного и Северо-Восточного Китая и политики китайских властей по её сохранению занималась Г.В. Кондратенко [66, с. 42—45, 51—52]. По мнению исследователя, совместное природопользование в российско-китайском приграничье обнажает ряд взаимосвязанных проблем, которые часто выходят за рамки двустороннего сотрудничества. Понимая это, Москва и Пекин подписали целый ряд двусторонних соглашений национального и регионального уровней, однако большинство из них либо остаётся на бумаге, либо работает в ограниченном режиме. В результате межрегиональное сотрудничество России и Китая по охране экологии сопряжённых территорий двух стран «малорезультативно, не связано с определёнными обязательствами и механизмами выполнения этих обязательств». Обе стороны не готовы переходить к «коллективной экополитике» [66, с. 40, 52—55].

Некоторые аспекты этнополитической ситуации на Северо-Востоке КНР, рассматриваемые как через призму демографической политики китайского руководства [112], так и в преломлении судьбы двух национальных меньшинств — элосыцзу (китайских русских) и хэчжэ (нанайцев) [110; 115], представлены в статьях И.В. Ставрова.

Результаты исследований современного Дунбэя в какой-то степени были обобщены в заключительном, пятом томе серии «История Северо-Восточного Китая XVII—XXI вв.» [56]. В нём предпринята попытка комплексного и максимально объективного подхода к анализу социально-экономического и культурного развития региона с начала 2000-х гг. и до второй половины 2010-х гг. Выводы получились не очень оптимистичными, поскольку итоги развития СВК оказались весьма противоречивыми. С одной стороны, наблюдались позитивные изменения: сократилась доля госсектора, некоторые моногорода смогли перепрофилировать свою экономику, была сформирована система социального обеспечения, что способствовало повышению уровня благосостояния местного населения. С другой стороны, ключевые проблемы Северо-Востока так и не были, да и не могли быть решены, поскольку их существование обусловлено фундаментальными факторами: зависимостью экономического развития от прошлого «пути» и периферийным географическим положением региона. Таким образом, констатируют авторы исследования, стратегия возрождения его старопромышленной базы с самого начала была обречена на скромные результаты [56, с. 354—355].

Китай в системе региональных и международных отношений. Для большинства дальневосточных экспертов не представляет сомнения, что современная внешняя политика КНР «всецело подчинена интересам экономики» и продвижению глобального проекта «Пояса и пути», а Си Цзиньпин «является главным генератором задач внешней политики и их исполнителем» [58, с. 14—15]. Второй момент, на который обратили внимание исследователи, — это фактический отказ китайского руководства от стратегии «сокрытия своих сил», стремление наладить и сохранить равные и стабильные отношения с партнёрами. По их мнению,

Китай уже «начал примерять на себя роль лидера в некоторых областях мировой политики» [65, с. 14]. Предпринимаются попытки оценить роль «мягкой силы» как инструмента, с помощью которого Пекин целеустремлённо и активно пытается не только продвигать интересы Китая на международной арене, но и создавать его позитивный имидж [12].

Наиболее любопытный ракурс оценки КНР в роли важного элемента региональной системы безопасности на Тихом океане избран в исследовательском проекте С.К. Песцова и А.Б. Волынчука «Индекс региональной напряжённости в СВА», результаты которого нашли отражение в двух публикациях с аналогичным названием [92; 93]. Китай авторы относят к группе «умеренных» государств, или «депрессоров», т.е. таких стран, которые имеют средний, относительно регионального, уровень напряжённости с большинством региональных игроков, незначительное количество «линий напряжённости» в отношениях с соседями и в большей степени склонны выступать в роли «примирителя», нежели «раздражителя» [92, с. 42—44; 93, с. 16, 79—87].

Выпущена серия статей, посвящённых двусторонним отношениям Китая с различными странами мира, причём взгляд на эти отношения выстраивается с противоположной от КНР позиции. Именно под этим углом зрения представляет латиноамериканский вектор международных связей Китая Н.Н. Горячев [17; 18].

КИТАЙСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РОССИИ И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Публикаций общего характера, посвящённых состоянию и проблемам российско-китайских отношений на последнем этапе их развития, немного. И они также носят преимущественно проблемный характер. Именно в таком ключе выстроена вводная статья, открывающая коллективную монографию дальневосточных и китайских исследователей, в которой анализу подвергаются исторический опыт и современное состояние приграничных и региональных связей. По мнению автора, нынешнее «обновление» стратегического партнёрства пока строится на двух основах: расширении взаимодействия в области глобальной политики и безопасности, с одной стороны, и выстраивании сотрудничества России и КНР в энергетической сфере — с другой. А вот приграничное сотрудничество, способное стать третьей важной основой этого партнёрства, откровенно хромает [103, с. 9—19]. А.Б. Волынчук и Я.А. Волынчук [14], оценивая результаты стратегического взаимодействия между Москвой и Пекином после объявленного РФ поворота на Восток, также придерживаются осторожного и даже пессимистического взгляда на перспективы развития российско-китайских отношений. По их мнению, в силу ряда причин экономического и политического характера Россия не смогла в полной мере реализовать имеющиеся возможности для укрепления связей, а поскольку

с геополитических позиций Россия и Китай в настоящих условиях в равной степени являются как стратегическими партнёрами, так и стратегическими соперниками, то говорить о значительных сдвигах в отношениях РФ и КНР не приходится. В лучшем случае взаимодействие Москвы и Пекина примет, с точки зрения исследователей, форму «отложенного стратегического партнёрства» [14, с. 24].

Подобные взгляды пока не доминируют в оценках российско-китайского взаимодействия в целом и политики Пекина в отношении России в частности, но тревога об их состоянии и будущем, несмотря на заявления высших руководителей двух государств, постоянно присутствует и иногда даже преобладает в целом ряде других работ. Прежде всего это касается сокращения в последние годы двусторонней торговли и малого объёма инвестиций, что наводит экспертов на мысль о смутных перспективах развития экономических связей двух стран [см.: 25; 107; 118; 120].

У авторов статей, посвящённых конкретным аспектам российско-китайских отношений в современную эпоху — студенческому и туристическому обмену [28; 32; 67; 94], оптимизма много больше. Но такие статьи зачастую написаны начинающими исследователями, основаны на вторичных источниках и работах других авторов и содержат в себе немного информации и минимум анализа.

Приграничные и межрегиональные связи. Естественно, что фокус дальневосточных исследователей нацелен на межрегиональные и приграничные связи, которые выступают для них не только как компонент межгосударственных отношений, но и как самостоятельное, весьма противоречивое и временами не зависящее от намерений и политики Москвы и Пекина явление. Географическая близость к Китаю, постоянное нахождение в самом процессе российско-китайского взаимодействия, который подспудно в той или иной степени захватывает и касается всех жителей Тихоокеанской России, приводит к тому, что большинство дальневосточных экспертов более прагматично и скептически смотрят на характер и результаты этих отношений, особенно в экономической сфере. Для них уже стало аксиомой, что один лишь «анализ заявлений лидеров двух стран, экономических описаний и статистических отчётов органов власти без критической оценки этих источников способен сформировать крайне далёкое от реальности понимание характера взаимодействия бизнеса России и Китая» [44, с. 69].

Проанализировав общее состояние, проблемы и перспективы развития межрегиональных и приграничных связей в начале второго десятилетия XXI в., в очередной раз констатируя, что эти связи в значительной степени развиваются стихийно, далеко не всегда вписываются в схему стратегического партнёрства и создают немало проблем их участникам [75], В.Л. Ларин пришёл к выводу, что Россия в своём продвижении на Восток тем не менее может и должна ориентироваться на Китай. Полнокровное участие КНР в развитии Тихоокеанской России является фундаментальной и принципиальной задачей для обеих сторон, а идеи

российско-китайского стратегического партнёрства должны быть аккуратно встроены в ныне создаваемые принципиально новые концепции развития Тихоокеанской России, дополнены и существенно расширены новыми формами и моделями двусторонних отношений [75, с. 19]. Исследования дальневосточных авторов, посвящённые приграничным связям России и Китая последних лет, показывают, что сдвига, к сожалению, не произошло.

В центре внимания дальневосточных экспертов стоят три главных проблемы приграничных и межрегиональных связей: 1) место и роль Тихоокеанской России в контексте глобальных, региональных и внутренних интересов Пекина; 2) подходы и политика российских властей — федерального и регионального уровня — в отношении Китая; 3) состояние и перспективы приграничного и межрегионального сотрудничества.

Сделанный экспертами вывод по первой позиции сводится к следующему. Несмотря на то, что руководство КНР продолжает исповедовать идею привлечения потенциала Сибири и Дальнего Востока для ускоренного развития своих северо-восточных провинций, а сами эти провинции — особенно Хэйлуцзян, Внутренняя Монголия и отчасти Цзилинь — имеют явно выраженный интерес к сотрудничеству с тихоокеанскими регионами России⁵, последние всё же не находятся в фокусе глобального зрения Пекина. Это проявляется как в формулировках евразийской инициативы «Пояса и пути», так и в планах превращения Китая в «океанскую державу». А поскольку даже создание «единого экономического пространства Северо-Восточной Азии» отдано на откуп провинциям СВК, ещё с начала 90-х гг. XX в. настроенным на решение этой задачи, то и представление Пекина о месте и роли Тихоокеанской России складывалось преимущественно на основе прагматичных расчётов пограничных с Россией территорий [15, с. 16]. По мнению российских экспертов, в стратегических раскладах северо-восточных провинций Китая Тихоокеанская Россия представлена как географически близкий источник природных (в том числе энергетических) ресурсов; рынок сбыта (ограниченный по масштабам, но для определённых секторов важный) промышленной и сельскохозяйственной продукции и рабочей силы; владелец транспортной (железнодорожной, портовой и морской) инфраструктуры, удобной для поставки товаров на европейский, азиатский и американский рынки [15, с. 17–18]. Говоря проще, исследователи не питают иллюзий ни относительно обещанного притока китайских инвестиций в регион, ни по поводу создания там китайцами современного производства.

Такие выводы подтверждаются и в ходе изучения роли государства в развитии межрегиональных и приграничных связей между двумя странами вообще и в политике приграничных территорий Китая в отношении

⁵ Эти взгляды хорошо проанализированы в коллективной монографии «Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия» [121, с. 182–194].

России в частности [43; 44; 49]. Проанализировав процесс российско-китайского приграничного сотрудничества в 90-е гг. XX — первом десятилетии XXI в. с позиции участия в нём российской и китайской бюрократии, С.А. Иванов посчитал возможным назвать это сотрудничество «бюрократическим проектом», реальные результаты которого далеки от тех, которые намечала власть. Ни российское, ни китайское приграничье не достигло того качества развития, которое ожидалось от активизации приграничных связей [44, с. 67—68].

Большинство исследователей не сомневаются, что у регионального сотрудничества Дальнего Востока РФ с приграничными районами Китая есть будущее. Но это будущее либо не зависит от самих регионов, так как должно реализовываться крупными корпорациями обеих стран, не имеющих дальневосточной (РФ) или северо-восточной прописки (КНР), либо не может быть большим и «прорывным», т.е. таким, которое было бы поддержано государственными чиновниками. Москва и Пекин способны продвигать крупные трансграничные проекты, однако общая система приграничных и межрегиональных связей двух стран, по большому счёту, остаётся вне поля интересов центральной власти [49, с. 24].

Вторая проблема — подходы российской власти к взаимодействию с Китаем — проанализирована в другой статье С.А. Иванова. Автор акцентирует внимание на взглядах субъектов Дальневосточного федерального округа на Китай, изучает их влияние на развитие связей ДФО с Китаем. Анализируя реальные полномочия субъектов РФ во внешнеэкономической сфере, характер восприятия ими Китая как регионального партнёра, каналы сотрудничества этих субъектов с КНР, исследователь приходит к выводу, что в настоящее время администрации российского Дальнего Востока объективно лишены возможности серьёзно влиять на процесс его экономической интеграции с Китаем. У властей присутствует понимание важности соседства КНР для будущего своих регионов, однако они имеют ограниченный круг полномочий для реализации своих идей. Более того, их возможности серьёзно ограничены дефицитом бюджетов возглавляемых ими субъектов. В результате у них нет чёткой и последовательной позиции по вопросам сотрудничества со своим близким соседом, а стратегии развития их территорий не предполагают создания конкретных механизмов для использования двусторонних связей в интересах собственных территорий [43, с. 39—40].

Близкие к этому выводы об экономическом климате на Дальнем Востоке России делают и другие исследователи. По их оценкам, с начала 2010-х гг. региональная политическая среда здесь становится всё более и более неблагоприятной для малого и среднего китайского бизнеса, что обусловлено стремлением российского государства возратить себе контроль над экономическими процессами в регионе. Малому и среднему бизнесу остаётся рисковать и работать в узких, проверенных нишах, где он пока сохраняет явные конкурентные преимущества. Напротив, для крупного китайского бизнеса ситуация на Дальнем Востоке улучшается.

Внешнеполитические трудности побуждают правительство России более терпимо и доверительно относиться к экономическому присутствию Китая на восточной окраине страны [64].

Достаточно нелицеприятные оценки деятельности как российских, так и китайских чиновников в организации приграничного сотрудничества даёт И.Ю. Зуенко [33]. По его убеждению, «ориентация на достижение формальных, а не фактических результатов, имитация регионального сотрудничества вместо желания разобраться в причинах неэффективности трансграничного диалога и скорректировать свои действия является общей проблемой бюрократических систем по обе стороны границы» [33, с. 60].

Столь скептические оценки деятельности российских и китайских властей подтверждает детальный анализ Программы сотрудничества восточных регионов России и Северо-Восточного Китая на 2009—2018 гг. Критические взгляды на её содержание и потенциальные результаты высказывались дальневосточными экспертами уже при подведении промежуточных итогов выполнения данной программы [54]. Пессимистические прогнозы оправдались. Большая часть из запланированных проектов осталась на бумаге, а другой документ, который можно было бы назвать «базовым» для сотрудничества приграничных регионов России и КНР, за прошедшее десятилетие так и не появился [97, с. 3; см. также: 50].

Работы, касающиеся третьей темы из указанного списка — состояния и перспектив приграничного и межрегионального взаимодействия», — посвящены преимущественно экономической сфере: торговле и инвестициям. Некоторые результаты экономического сотрудничества последних лет освещены в коллективной монографии «Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века» [121, с. 316—380]. В частности, в ней развеивается миф об экономической, в том числе продовольственной, зависимости этого российского региона от Китая, о его зацикленности на связях с Северо-Востоком, о больших объёмах китайских инвестиций в регион и др. Стоит отметить, что ложные представления о продовольственной зависимости Тихоокеанской России от КНР опровергает и профессиональный экономист А.В. Ступникова, изучившая весьма специфические процессы торговли в данном регионе. Результаты её исследования показывают, что рынок овощей юга Дальнего Востока в большей степени интегрирован с российским овощным рынком, чем с китайским. И хотя Китай, безусловно, оказывает влияние на поведение цен на овощи в приграничных регионах Дальнего Востока РФ, оно не столь существенное, как предполагают многие [119, с. 123].

Ещё один стереотип — об угрозах, которые несёт деятельность предприятий с китайским капиталом в сельском хозяйстве России в целом и на Дальнем Востоке в частности, — развенчивается в статье И.Ю. Зуенко и В.В. Сониной, основанной на результатах полевых исследований 2014—2016 гг. в ряде регионов ДФО [42]. Авторы утверждают, что значение позитивных эффектов деятельности предприятий с китайскими инвестициями в сфере сельского хозяйства как минимум не уступает

негативным, а наличие устойчивых практик обхода земельного законодательства предопределено симбиозом интересов китайских фермеров, стремящихся к повышению доходов и снижению издержек, с одной стороны, и их российских контрагентов в лице партнёров и представителей органов власти — с другой.

Двусторонняя торговля и китайские инвестиции в регионе главным образом анализируются в публикациях сотрудников Института экономических исследований ДВО РАН [53; 54; 98; 120] и Владивостокского филиала Российской таможенной академии [89]. В частности, Д.А. Изотов, подводя итоги инвестиционному сотрудничеству России и Китая последних лет, делает малоутешительные выводы о том, что, несмотря на многочисленные меморандумы о сотрудничестве, а также значительную долю Китая во внешней торговле региона, инвестиции из КНР на Дальнем Востоке являются малозаметными: их не более 1% от общего объёма иностранных вложений. Хотя по количеству создаваемых на Востоке России предприятий с прямыми иностранными инвестициями (ПИИ) Китай является лидером, по общему объёму вложенных в экономику региона средств он занимает одно из последних мест среди иностранных государств-инвесторов. ПИИ из Китая были заметны только в ЕАО, Хабаровском крае и Амурской области. Из Приморского края наблюдался отток китайских инвестиций. Основными видами деятельности, привлекательными для китайских инвесторов, остаются оптовая и розничная торговля, общественное питание, а также создание мелких производств в сфере добычи и первичной обработки древесины [53, с. 148]. По мнению некоторых экспертов, главной причиной осторожности китайских предпринимателей является экономическая нестабильность в России и высокая волатильность курса рубля, который сильно «просел» в 2014—2015 гг. [86, с. 91].

Помимо профессиональных экономистов, с объёмом и качеством китайских инвестиций в Тихоокеанской России пытались также разобраться историки, политологи и востоковеды: преподаватель ДВФУ Л.Е. Козлов, сотрудники ИИАЭ ДВО РАН С.А. Иванов, А.Е. Савченко, И.Ю. Зуенко [41; 45; 46; 63; 104] и др. Уже на этапе заявлений о создании новых инструментов развития Дальнего Востока — ТОРов и свободных портов — местные специалисты достаточно скептически высказывались на предмет их позитивного влияния на приток китайского капитала. В 2014 г., проанализировав политику России по привлечению иностранных инвестиций в Дальневосточный регион в последние два десятилетия, А.Е. Савченко пришёл к выводу о её фактическом провале: «несмотря на декларации на высшем уровне власти о намерении задействовать „китайский потенциал в целях хозяйственного подъёма Сибири и Дальнего Востока“ и конкретные шаги Москвы по сближению с КНР, реальная траектория экономического сотрудничества приграничных российских регионов сильно отличается от этих многообещающих планов» [104, с. 197]. По прошествии четырёх лет эксперты были настроены столь же пессимистически. В частности, Л.Е. Козлов предположил, что в ТОР Дальнего Востока главным

источником ПИИ, скорее всего, останется Китай, но в основном они будут наполнены российским и офшорным капиталом [63, с. 26—27].

В конечном итоге исследователи вынуждены признать, что, преуспев в продвижении крупных межгосударственных проектов, декларируя важность развития приграничных и межрегиональных отношений и создавая политическую платформу для этого, Москва и Пекин не смогли радикально улучшить общую картину связей на низовом уровне. Межрегиональное и приграничное взаимодействие, несмотря на, казалось бы, постоянное внимание к нему с обеих сторон, оказалось в перечне «отстающих» сфер [15, с. 26]. Ни победные реляции и декларированные намерения чиновников двух стран, ни даже санкционированные на самом «верху» программы соразвития соседних территорий не повлекли за собой ни роста объёмов и качества двусторонней торговли, ни существенного увеличения взаимных инвестиций, ни возникновения российско-китайской промышленной, сельскохозяйственной и — тем более — научно-технической кооперации. Причинами тому стали как двойственность сознания жителей региона, которые, с одной стороны, считают Китай наиболее привлекательным экономическим партнёром, а с другой — демографической и экономической угрозой, так и низкое качество управления экономическими процессами по обе стороны границы [80].

В этом обзоре нельзя не упомянуть, что существует целая серия публикаций, посвящённых торгово-экономическому и инвестиционному взаимодействию Тихоокеанской России с Китаем, авторство которых принадлежит студентам вузов совместно с их преподавателями, не являющимися, как правило, профессиональными китаеведами [к примеру, см.: 52]. Эти публикации мало что дают с точки зрения анализа и понимания изучаемых процессов, хотя и свидетельствуют об устойчивом интересе к данной теме в преподавательской среде региона.

Инициатива «Пояса и пути» и её влияние на СВА и Тихоокеанскую Россию. Начнём с того, что журнал «Россия и АТР» летом 2015 г. первым в России опубликовал русскоязычный текст документа, в котором правительство КНР разъясняло содержание инициативы «Пояса и пути» [95]. Публикацию предваряли комментарии главного редактора журнала В.Л. Ларина и генерального консула КНР в г. Хабаровске Су Фанцю. В своём вступлении В.Л. Ларин отметил, что этим документом Китай откровенно позиционирует себя как глобальную и ответственную державу, озабоченную не только перспективами собственного развития, но и судьбой большей части мира, особенно — сопредельных с ней территорий. Концепт «Один пояс, один путь» — это ещё и декларация идей нового мирового порядка, многополярного мира, новых принципов международной политики, которые активно пропагандирует китайское руководство, находя в этом полную поддержку со стороны России [73, с. 251]. Автор выразил уверенность, что столь широко объявленные инициативы Си Цзиньпина станут активно претворяться в жизнь: «Конкретные планы будут меняться и корректироваться, но генеральная линия обозначена. Задача соседей

Китая, в той или иной степени вовлекаемых в эти грандиозные проекты, в том числе и России, найти в них свою выгоду» [73, с. 252].

Наиболее подробно данная тема раскрыта в коллективной монографии «Новые инструменты развития восточных районов России и китайская инициатива „Пояса и пути“: замыслы и результаты сопряжения идей, институтов и усилий», подготовленной к печати группой исследователей ИИАЭ ДВО РАН [87]. В книге исследуются вопросы современного состояния и перспективы российско-китайского взаимодействия в освоении Дальнего Востока России в контексте новых подходов и инструментов, которые используют Москва и Пекин в своей внутренней и внешней политике во втором десятилетии XXI в. Авторы приходят к выводам, что в существующую схему «высокой интеграции» приграничная кооперация не вписывается, что попытки двух государств как-то упорядочить и поставить приграничные связи под контроль посредством бюрократической «координации» программ развития соседних территорий не принесли успеха, что новые инструменты, созданные на востоке России, как и китайская инициатива «Пояса и пути», ещё должны доказать свою жизнеспособность и пригодность для решения многочисленных проблем Восточной Евразии.

Однако есть и другие точки зрения. По мнению В.А. Останина, Россия может получить мощный импульс в развитии своих дальневосточных территорий наиболее экономичным образом, только вписавшись в реализацию китайских инициатив ЭПШП и Морского шёлкового пути XXI в. Поэтому Москва должна по мере возможности продвигать свои инвестиционные проекты, в том числе в границах «Пояса и пути» [89, с. 19].

Этой же теме посвящены несколько публикаций И.Ю. Зуенко [35], С.А. Иванова [50], Д.А. Изотова [54], И.В. Ставрова [114] и др. В частности, И.Ю. Зуенко пытается выявить противоречия в мотивации и различия в подходах к китайским интеграционным инициативам со стороны России и Казахстана, определить уязвимые места в функционировании ЕАЭС и реализации «сопряжения» ЕАЭС с ЭПШП. Автор провёл анализ научных статей и экспертных материалов на русском и английском языках, подготовленных учёными из России и Казахстана в 2014—2017 гг. Его вывод заключается в том, что критерием, по которому ранжируется видение российскими экспертами «Пояса и пути», является их отношение к США и Западу в целом: от сторонников «новой евразийской политики Москвы», позиционирующих «сопряжение» ЕАЭС и ЭПШП как ядро «нового хартленда», способного уравновесить мировое лидерство США, к «западникам» — сторонникам восстановления дружеских отношений с Западом, пусть даже ценой противоречий с Китаем [35, с. 125]. При этом очевидно, что несколько отстранённый географически и геополитически взгляд автора, работающего далеко от Москвы, помогает давать ему беспристрастные оценки работ своих московских коллег.

В контексте участия России в ЭПШП рассматривается в последние годы и проблема создания на востоке страны современных международных транспортных артерий, которую невозможно решить без модернизации

железнодорожной, морской и автомобильной инфраструктуры, и в особенности — приграничной транспортной сети между Россией и Китаем. Главное внимание привлекают трудности и перспективы строительства трансграничных коридоров в Приморском крае (Приморье-1, Приморье-2, Приморье-3), мостовых переходов в Амурской и Еврейской автономной областях [71], возможности сочленения Северного морского пути с китайским Морским шёлковым путём. Проанализировав возможности и перспективы подключения транспортного комплекса Дальнего Востока к реализации проекта «ЭПШП», дальневосточные экономисты пришли к выводу о наличии множества таких возможностей, но констатировали, что их реализация усложняется различием в подходах сторон, отсутствием согласованности принимаемых решений и планов [6]. Правда, есть и другие мнения. Р.Г. Леонтьев и А.Л. Орлов уверены, что предполагаемая интеграция транспортных систем РФ и КНР не внесёт существенного вклада в развитие транзитного потенциала Дальнего Востока России и страны в целом. Они также полагают, что сооружение железнодорожных мостовых «переходов дружбы» через Амур вблизи г. Благовещенска (Амурская область) и пос. Амурзет (ЕАО) «может создать серьёзные предпосылки для подрыва экспортного транзитного потенциала Дальневосточной железной дороги и портов Приморского и Хабаровского краёв, т.е. потенциала всего региона» [83, с. 34—35].

Не обошли дальневосточные эксперты вниманием и один из коридоров «Пояса и пути»: Китай — Монголия — Россия. По мнению исследователей [2, с. 15], он выгоден каждому из трёх государств, но реальный эффект может быть достигнут только при условии соблюдения баланса интересов всех сторон.

Китай как угроза восточным районам России. Эта тема была достаточно популярной у дальневосточных исследователей в 90-е гг. XX — первые годы XXI в. Сегодня она активно муссируется в западной и японской политологической литературе и СМИ, периодически всплывает в публикациях московских экспертов, однако среди дальневосточных специалистов, как и в массе населения в целом, потеряла актуальность. «Угроза со стороны Китая» никак не проявила себя в ходе сценируемого круглого стола⁶ под названием «Системные условия обеспечения безопасности Тихоокеанской России», проведённого ЦАТИ в апреле 2018 г. [123]. Его участники сошлись во мнении, что «муссируемая прессой и некоторыми зарубежными экспертами тема „китайской угрозы“ не находит подтверждения». Главная опасность для интересов России на востоке исходит от Корейского полуострова, а также умножения в Тихоокеанской Азии и Северной Пацифике количества угроз общего характера, затрагивающих интересы всех (или многих) региональных игроков. К их числу относятся: негативные последствия изменения климата, увеличение частоты и масштабов природных катастроф, эпидемии, издержки несбалансированного

⁶ О методике этой формы научного обсуждения важных политических и экономических проблем, внедрённых ЦАТИ, см.: [82].

экономического роста и т.п. [123, с. 65—66]. При этом была высказана точка зрения, что существенный вызов интересам России представляет нелегальная и полуполюгальная трудовая деятельность китайской общины в сфере организации китайского туризма в России [123, с. 61].

Практически исчезла из повестки современных исследований и тема китайской миграции в России вообще и в её восточных районах в частности, очень популярная в 1990-е и начале 2000-х гг. Причина — её политическая и научная неактуальность. В настоящее время она чаще присутствует в работах, посвящённых общим проблемам зарубежной трудовой миграции на Дальнем Востоке, но проходит лишь одним из сюжетов на фоне анализа среднеазиатской волны миграции [см., к примеру: 11]. В одной из немногих публикаций на указанную тему, подготовленной на основе изучения демографической ситуации в КНР, трендов экономического развития и тенденций внутренней и внешней миграции в Китае, делается вывод о неприоритетности российского направления для граждан соседнего государства. По мнению авторов, оно продолжает терять свою привлекательность, что выражается в оттоке китайских трудовых ресурсов из России и объясняется значительным отрывом российского ВВП на душу по ППС от развитых стран, а также ростом благосостояния населения в КНР [55]. Более того, С.Н. Мишук выявила тенденцию изменения роли китайских мигрантов на рынке труда в российских регионах: из положения наёмных рабочих они переходят в категорию работодателей для российских граждан [85, с. 274]. Любопытно, что, как показало исследование А.А. Киреева, российская миграционная политика очень слабо влияла на трансграничную миграцию из КНР [60]. По мнению А.В. Друзяки, массового оседания и натурализации китайских мигрантов на территории стран СНГ вообще и на российском Дальнем Востоке в частности фактически не наблюдается. В связи с этим опасения принимающего общества, связанные с угрозой «демографической экспансии» Китая в сопредельных российских краях и областях, не совсем оправданны. Однако отсутствие внятной политики Центра в отношении Дальнего Востока России при сохранении угрожающих тенденций депопуляции региона способствуют тому, что в общественном сознании актуальными остаются мифы о полном доминировании Китая на его территории [23, с. 276].

В конечном итоге учёным приходится констатировать, что «виртуальные фантомы „китайской угрозы“, глубоко окопавшиеся в подкорке сознания российской власти, бизнеса, рядовых граждан, атакуют побуждаемые прагматичными соображениями их же желания развивать сотрудничество с Китаем и безоговорочно побеждают». Безусловно, хватает и других сугубо экономических, военно-политических и бюрократических причин, тормозящих эти процессы. Результат закономерен: «реального [приграничного] сотрудничества (в прямом понимании этого слова) нет, оно блокируется на всех уровнях, а есть примитивный товарообмен в рамках узкой товарной группы по принципу товар — деньги — товар. Но и он в последние годы находится в застое без каких-либо внятных перспектив» [72, с. 23—24].

Политика Китая в Центральной Азии. Эта тема не привлекает большого внимания дальневосточных исследователей, прежде всего, в силу их незначительного интереса к данному региону. Немногочисленные работы принадлежат перу начинающих учёных и носят либо общий и поверхностный характер (в том числе когда научный руководитель из ДВФУ даёт возможность высказаться своему китайскому аспиранту [22; 84]), либо нацелены на сравнительный анализ конкретных аспектов китайской политики (в данном случае — реализации инициативы «Пояса и пути» и её восприятия властью и населением в Центральной Азии и Тихоокеанской России) [35].

Интересы и политика Китая в Арктике. Наиболее подробно данный вопрос рассматривается в коллективной монографии группы исследователей из Владивостока, представляющих как Институт истории ДВО РАН, так и два морских университета этого города [96]. Ему также посвящены отдельные статьи [70]. Деятельность КНР в Арктике анализируется по следующим направлениям: научные исследования, подходы к использованию Северного морского пути, освоение арктических природных ресурсов. По мнению авторов, Китай активно продвигает точку зрения на Арктику как сферу своих национальных интересов, обосновывая это тем, что изменение природной среды данного региона оказывает прямое воздействие на социально-экономическое развитие страны и состояние её безопасности. Эксперты приходят к выводу, что, несмотря на отсутствие у Пекина цельной стратегии в отношении Арктики, китайские руководители осознают свои цели и интересы в этом регионе и намерены укреплять в нём позиции КНР и расширять своё участие в решении арктических проблем.

Реакция на Китай и его политику: общественное мнение Тихоокеанской России. Эта тема раскрывается в серии публикаций, посвящённых представлениям жителей Тихоокеанской России о соседних странах и территориях. Сформировались два центра изучения взглядов населения на Китай: во Владивостоке и Благовещенске, однако в последние несколько лет исследователи из Благовещенска заметно снизили свою активность в данном направлении.

Согласно точке зрения учёных Владивостока, сформировавшейся на основе постоянного мониторинга результатов общественного мнения в регионе, в настоящее время КНР по уровню общей привлекательности по-прежнему не занимает лидирующих позиций среди других стран мира, однако рейтинг и популярность государства последовательно растут. Жители региона уверены в благоприятном развитии российско-китайских отношений, надеются на увеличение объёма инвестиций КНР в местную экономику, стали толерантнее относиться к присутствию в РФ китайских рабочих и предпринимателей. В то же время часть населения продолжает рассматривать само существование Китая и его соседство с Россией как угрозу, треть жителей региона негативно относится к пребыванию на его территории китайских мигрантов [76; 78]. И тем не менее сравнение с результатами более ранних опросов [77; 79; 81] показывает,

что за последние два десятилетия степень адаптивности дальневосточников к Китаю, их способность взаимодействовать с ним заметно выросла. Антикитайская риторика редко встречается среди региональных чиновников, которые, в частности, в отличие от многих обывателей, очень прагматично — не более чем объект фискальной политики — воспринимают китайские инвестиции в регионе [48].

Анализ российской и зарубежной прессы, а также контента социальных сетей в 2014—2015 гг., проведённый А.В. Калачинским, также дал очень любопытные результаты [59]. По утверждению исследователя, в России данные источники являются важнейшим каналом трансляции информации и средством формирования оценок, сохраняя при этом доверие населения. По этим причинам оценки СМИ относительно Китая и российско-китайских отношений имеют серьёзное влияние на общественное сознание. Анализ автора показывает, что в российской прессе после саммита АТЭС-2012 г. критическая тональность в оценке взаимоотношений с КНР почти исчезла, в то время как западные СМИ не уставали подливать огонь в костёр якобы тлеющего конфликта между Россией и Китаем. Российские информационные ресурсы широко цитировали экспертов, которые признавали, что правительство РФ совершало реальные шаги по разворачиванию страны к Азиатско-Тихоокеанскому региону, и этот разворот был направлен главным образом в сторону Китая. На рубеже 2014—2015 гг. начали происходить изменения в общественном сознании населения России, которое в ситуации конфронтации с Западом всё более лояльно оценивало попытки государства наладить отношения с Востоком.

Присутствуют в дальневосточном китаеведении и обзорные работы с «обратным знаком» — посвящённые формируемым СМИ КНР представлениям о России [111; 116]. В частности, анализ декабрьских номеров газеты «Хэйлунцзян жибао» за 2016 г. позволил И.В. Ставрову сделать заключение о преимущественно нейтральном характере её публикаций о нашей стране и в то же время отметить присутствие материалов как позитивного, так и критического свойства. Последние связаны с проблемами социально-экономического развития России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывает разбор научных публикаций дальневосточных учёных, посвящённых развитию Китая «в новую эпоху», круг исследователей, которых можно причислить к профессиональным экспертам, способным регулярно, профессионально и аргументировано анализировать и оценивать события данного периода, в регионе весьма ограничен. Их менее одного десятка. Приблизительно столько же авторов обращаются к китайским вопросам периодически, выходя на них либо в процессе рассмотрения различных сторон современной жизни Тихоокеанской России,

либо анализируя геополитические изменения в Тихоокеанской Азии и мире вообще. Правда, с изучением других государств Северной Пацифики — Японии, двух Корей, США, Канады — дело обстоит ещё хуже: будет достаточно пальцев на одной руке, чтобы пересчитать квалифицированных экспертов по этим странам.

Тем не менее некоторые аспекты жизни и политики современного Китая отслеживаются и анализируются в Тихоокеанской России весьма основательно, и дальневосточные эксперты находятся среди лидеров в их изучении не только в российском, но и в мировом масштабе. Это замечание касается, прежде всего, российско-китайских приграничных связей, общественного мнения о Китае, развития северо-восточных провинций КНР, арктических интересов Пекина. Дальневосточный угол зрения на Китай и его политику, может быть, не кажется столь фундаментальным, каким представляется столичный сегмент российского китаеведения, но он более прагматичен, практичен и конкретен. Причины очевидны: если московских китаеведов отделяет от изучаемой страны пространство в несколько тысяч километров, то учёному, работающему в Благовещенске, достаточно выйти на набережную и бросить взор через Амур на соседний Хэйхэ.

Взгляды дальневосточных экспертов на изменения во внутренней и внешней политике КНР в «новую эпоху» несут в целом позитивный заряд. Ни у кого из них нет сомнения, что поставленные цели будут достигнуты. При этом в последних инициативах китайского руководства они видят, прежде всего, не угрозы для России или её восточных окраин, а новые возможности для их развития и задумываются о том, как воспользоваться этими шансами.

Тревожные нотки у некоторых исследователей, конечно, присутствуют. Синдром «китайской угрозы» иногда пробивается у политологов, не являющихся специалистами по Китаю и активно штудирующих публикации западных экспертов и политиков. Но главные опасения дальневосточных учёных связаны скорее не с политикой Китая, а с неясными перспективами российско-китайских экономических связей. И главные проблемы они обнаруживают не с китайской, а с российской стороны. Эксперты озабочены однобокостью структуры российской экономики, неповоротливостью бюрократической машины, её неумением быстро реагировать на новые вызовы и возможности, порождаемые новыми тенденциями в политике Пекина. Главный вопрос, который нередко прямо стоит в текстах статей, а ещё чаще проходит их главным фоном, касается поиска средств, путей, механизмов развития двусторонних, прежде всего приграничных отношений между Россией и Китаем. Нет ни одного автора, кто бы выступал против развития этих отношений. При этом они не парят в облаках, слыша бодрые заявления и прожекты российских и китайских «ответственных лиц», не питают иллюзий относительно быстрого решения существующих проблем. Их прогнозы скорее внушают пессимизм, чем обнадеживают. Но они работают на наше общее будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенко А.П. Регулирование государственной гражданской службы в КНР // Ойкумена. 2018. № 4. С. 109—117.
2. Бадараев Д.Д., Винокурова А.В., Литвинова Т.Н. Создание экономических коридоров «Китай — Монголия — Россия» как альтернатива «Шёлковому пути» // Ойкумена. 2017. № 2. С. 7—17.
3. Баженова Ж.М., Колегова Е.А. Кому принадлежит Окинава? О возможности возникновения нового территориального спора между Китаем и Японией // Россия и АТР. 2017. № 2. С. 26—46.
4. Бакланов П.Я. Трансграничные угрозы техногенного происхождения для Тихоокеанской России // У карты Тихого океана. 2018. № 1 (249). С. 15—17.
5. Бардаль А.Б. К вопросу о транспортном комплексе КНР // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 1. С. 156—170.
6. Бардаль А.Б., Сигитова М.А. Региональные аспекты реализации проекта «Один пояс, один путь»: Дальний Восток России // Вестник ТОГУ. 2017. № 4 (47). С. 215—224.
7. Белоглазов Г.П. АПК КНР в процессе модернизации. Проблемы и перспективы, инвестиционные возможности для России // Известия Восточного института. 2015. № 2. С. 43—50.
8. Белоглазов Г.П. Аграрная сфера и сельский социум в директивных документах на сессии ВСНП // У карты Тихого океана. 2016. № 44 (242). С. 21—23.
9. Бояркина А.В., Печерица В.Ф., Мефодьева С.А. Традиционная культура Китая в контексте концепции «Сообщества единой судьбы для человечества» // Вестник ЗабГУ. 2018. Т. 24. № 8. С. 56—64.
10. Буяров Д.В. Синьцзянский производственно-строительный корпус в 2000-е гг. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практич. конф. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. Вып. 8. С. 344—349.
11. Ващук А.С. Политика привлечения иностранных трудовых мигрантов на Дальний Восток России: между прагматическим курсом и стратегией безопасности (конец XX — начало XXI в.) // Ойкумена. 2019. № 4. С. 122—134.
12. Владимирова Д.А., Журбей Е.В., Карловская А.А. «Мягкая сила» во внешней политике России и Китая: особенности национальных стратегий // Ойкумена. 2020. № 1. С. 123—137.
13. Внешнеполитический курс нового руководства стран Северной Пацифики: вызовы и шансы для России // У карты Тихого океана. 2013. № 31 (229). 51 с.
14. Волынчук А.Б., Волынчук Я.А. Российско-китайское сотрудничество — синдром отложенного партнёрства // Россия и АТР. 2016. № 2. С. 17—26.
15. Восточные районы России в координатах внешней политики и международных отношений в Тихоокеанской Азии // У карты Тихого океана. 2018. № 2 (250). 47 с.
16. Голобоков А.С. Роль России и Китая в создании модели региональной энергетической безопасности в Северо-Восточной Азии // Ойкумена. 2017. № 1. С. 165—166.
17. Горячев Н.Н. Азиатский вектор внешней политики Перу на примере КНР // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 24. Востоковедение. Международные отношения. С. 38—53.
18. Горячев Н.Н. Развитие мексикано-китайских торгово-экономических связей в конце XX — нач. XXI в. // Азиатско-Тихоокеанский Регион: конкуренция культур, государств, идей. XV Всероссийская научная конференция молодых учёных (Владивосток, 25—26 апреля 2016): материалы конф. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. С. 17—18.

19. Губин А.В. Военно-морская политика ключевых стран АТР: Аналитические обзоры РИСИ. М.: РИСИ, 2015. Вып. 3. 50 с.
20. Губин А.В. Военно-морские силы как инструмент современной политики Китайской Народной Республики // Россия и АТР. 2018. № 1. С. 187—202.
21. Губин А.В. Китайско-японские разногласия в Восточно-китайском море // Известия Восточного института. 2017. № 4. С. 4—12.
22. Давыдов З.В. Экономическая политика Китая в Центрально-Азиатском регионе и её последствия для России // Известия Восточного института. 2015. № 2. С. 19—29.
23. Друзяка А.В. Современная проблема китайской иммиграции: как к ней относиться? // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практич. конф. Благовещенск: Изд-во БГПУ. 2017. Вып. 7. С. 272—277.
24. Дыбовский А.С., Ларина Л.Л. О некоторых сходствах и различиях жизненных позиций, устремлений и ценностных ориентаций японской и китайской студенческой молодёжи // Известия Восточного института. 2018. № 2 (38). С. 57—84.
25. Ембулаев В.Н., Ембулаев Д.В. Внешняя торговля как фактор экономического роста и развития между Россией и Китаем // Вестник ТОГУ. 2016. № 2 (41). С. 139—148.
26. Забровская Л.В. Антикоррупционная составляющая китайских экономических реформ и НОАК // Известия Восточного института. 2015. № 2. С. 10—18.
27. Забровская Л.В. Китайский опыт борьбы с коррупцией в период экономических реформ // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (70). С. 82—88.
28. Задорожин В.А. Привлекательность ВУЗОВ КНР для российских студентов // Вестник ТОГУ. 2017. № 4 (47). С. 413—422.
29. Золотухин И.Н. Территориальные споры в Южно-Китайском море: современное состояние проблемы // Известия Восточного института. 2017. № 4. С. 13—24.
30. Зубарев А.Е., Белевич Е.А., Петрова Е.А. Анализ состояния современной системы образования Китая // Вестник ТОГУ. 2017. № 1 (44). С. 87—98.
31. Зубарев А.Е., Белевич Е.А., Петрова Е.А. Анализ стратегии развития научно-технического потенциала КНР // Вестник ТОГУ. 2017. № 2 (45). С. 109—116.
32. Зубарев А.Е., Белевич Е.А. Результаты мониторинга взаимодействия университетов-партнёров Ассоциации вузов Дальнего Востока и Сибири России и Северо-восточных регионов Китая // Вестник ТОГУ. 2016. № 4 (43). С. 115—122.
33. Зуенко И.Ю. Бюрократия в условиях фронта: проблема эффективности региональных властей в российско-китайских отношениях // Журнал фронтальных исследований. 2017. № 1. С. 51—64.
34. Зуенко И.Ю. Китайский клуб в Континентальной хоккейной лиге: есть ли будущее у проекта? // Известия Восточного института. 2019. № 3. С. 150—160.
35. Зуенко И.Ю. Один «Пояс», два пути: восприятие китайских интеграционных инициатив в России и Казахстане (2014—2017) // Россия и АТР. 2018. № 1. С. 118—132.
36. Зуенко И.Ю. Реализация политики Центра в китайских регионах: некоторые аспекты проблемы (в контексте строительства Нового Шёлкового пути) // Известия Восточного института. 2016. № 2. С. 4—12.
37. Зуенко И.Ю. Старший сын республики: как Северо-Восточный Китай перестал быть флагманом китайского футбола // Известия Восточного института. 2019. № 1. С. 82—94.
38. Зуенко И.Ю. Три слагаемых успеха китайского баскетбола // Известия Восточного института. 2019. № 2. С. 112—122.

39. Зуенко И.Ю. Укрепление «вертикали власти» по-китайски: кадровая политика в отношении регионального руководства в современном Китае // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Т. 10. № 5. С. 30—46.
40. Зуенко И.Ю. Футбол как национальная идея: китайская мечта // *Известия Восточного института*. 2018. № 4. С. 119—127.
41. Зуенко И.Ю., Иванов С.А., Савченко А.Е. Китайские инвестиции на российском Дальнем Востоке // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. № 11. С. 105—113.
42. Зуенко И.Ю., Сонин В.В. Правовые ограничения и неформальные практики землепользования китайских фермеров на Дальнем Востоке России // *Правоприменение*. 2017. № 1. С. 57—65.
43. Иванов С.А. Без полномочий, ресурсов и целей: роль региональной власти Дальнего Востока в продвижении экономического сотрудничества с Китаем // *Россия и АТР*. 2016. № 2. С. 28—45.
44. Иванов С.А. Влияние государства на российско-китайские торгово-экономические взаимодействия // *Россия и АТР*. 2013. № 4. С. 59—72.
45. Иванов С.А. Инвестиции компаний провинции Хэйлуунцзян в России: особенности роста в условиях господдержки // *Проблемы Дальнего Востока*. 2015. № 5. С. 46—58.
46. Иванов С.А. Китайский капитал как фактор этнизации пространства городов и сёл Приморского края // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2015. № 5 (37). С. 120—127.
47. Иванов С.А. Научно-техническая политика Китая: приоритеты догоняющего развития и результаты // *Известия Восточного института*. 2018. № 2. С. 6—23.
48. Иванов С.А. Прагматизм и конспирология: представления чиновников юга Дальнего Востока России о китайских инвесторах // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2017. Т. 21. С. 110—117.
49. Иванов С.А. Проблемы и ограничители развития международных связей Тихоокеанской России с Китаем // *У карты Тихого океана*. 2015. № 41 (239). С. 19—24.
50. Иванов С.А. Программа сотрудничества восточных регионов России и северо-восточных регионов Китая: политическая значимость и экономическая эффективность // *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2018. № 1 (82). С. 54—65.
51. Иванов С.А. Северо-Восток в региональной политике центрального правительства Китая в 2000—2010-е гг. // *Россия и АТР*. 2017. № 4. С. 47—68.
52. Иванченко О.Г., Кухта К.Т., Зубарева Е.А. Режимы и механизмы расширения российско-китайского сотрудничества на Дальнем Востоке. Инвестиционные возможности двух стран // *Вестник ТОГУ*. 2017. № 4 (47). С. 203—214.
53. Изотов Д.А. Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока России с субглобальными экономическими структурами в условиях рецессии национальной экономики. 2018. № 1. С. 138—153.
54. Изотов Д.А. Программа регионального сотрудничества между востоком России и северо-востоком Китая: настоящее и будущее // *Пространственная экономика*. 2014. № 2. С. 149—176.
55. Изотов Д.А., Мотрич Е.Л. Демографические вызовы для экономики КНР // *Россия и АТР*. 2014. № 3. С. 61—83.
56. История Северо-Восточного Китая XVII—XXI вв.: в 5 кн. Кн. 5. Северо-Восточный Китай в период возрождения старопромышленной базы. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. 356 с.
57. Итоги XIX съезда Коммунистической партии Китая: ожидания, оценки, перспективы (по материалам круглого стола) // *У карты Тихого океана*. 2017. № 49 (247). 36 с.

58. Итоги весеннего политического сезона в КНР: сессии ВСНП и ВК НПКСК в 2016 году (по материалам круглого стола) // У карты Тихого океана. 2016. № 44 (242). 28 с.
59. Калачинский А.В. «Поворот России на Восток»: пресса и формирование общественного мнения о взаимоотношениях России и Китая // Россия и АТР. 2015. № 3. С. 127—140.
60. Киреев А.А. Воздействие российской миграционной политики на динамику трансграничной миграции из Китая // Ойкумена. 2014. № 4. С. 8—25.
61. Китай в процессе модернизации государства и общества (к итогам XVIII съезда КПК) // У карты Тихого океана. 2012. № 28 (226). 40 с.
62. Китай на распутье: к итогам 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (по материалам круглого стола) // У карты Тихого океана. 2013. № 33 (231). 27 с.
63. Козлов Л.Е. Влияние международной политики на привлечение иностранных инвестиций в особые экономические зоны // Россия и АТР. 2018. № 3. С. 16—30.
64. Козлов Л.Е., Никулина А.К. Политическая среда китайского бизнеса на российском Дальнем Востоке // Россия и АТР. 2015. № 1. С. 24—38.
65. Кондратенко Г.В. Динамика международных и политических процессов в Китае в первой половине 2017 г. // У карты Тихого океана. 2017. № 48 (246). С. 14—16.
66. Кондратенко Г.В. Проблемы и возможности трансграничного сотрудничества Китая и России в сфере экологии // Известия Восточного института. 2017. № 2. С. 40—58.
67. Кондратенко Г.В. Трансграничный туризм: перспективы и вызовы российско-китайского сотрудничества // Известия Восточного института. 2018. № 4 (40). С. 94—111.
68. Король А.Н. Рынок рекламных услуг КНР: проблемы развития // Вестник ТОГУ. 2017. № 1 (44). С. 99—104.
69. Кулакова В.А., Чердакова Т.Б. Законодательство Китая против домашнего насилия // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практич. конф. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. Вып. 8. С. 379—384.
70. Лабюк А.И. Политика КНР в Арктическом регионе: государственные и коммерческие проекты // Россия и АТР. 2016. № 1. С. 96—106.
71. Лаврентьев А.В. Российский Дальний Восток и страны Северо-Восточной Азии: некоторые итоги, проблемы и перспективы транспортного сотрудничества // Известия Восточного института. 2016. № 1. С. 67—74.
72. Ларин В.Л. «Китайская экспансия» в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа // Сравнительная политика. 2020. № 2. С. 9—27.
73. Ларин В.Л. Почему «Россия и АТР» публикует китайский документ // Россия и АТР. 2015. № 3. С. 250—252.
74. Ларин В.Л. Российско-китайское трансграничье в контексте проектов евразийской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 12. С. 69—81.
75. Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в российско—китайских отношениях: затянувшееся ожидание прорыва // Россия и АТР. 2014. № 3. С. 5—21.
76. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Восприятие мигрантов из Восточной Азии жителями Тихоокеанской России (по итогам социологических опросов 2017 и 2019 гг.) // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2019. Т. 24. Востоковедение. Международные отношения. С. 7—22.
77. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Восточная Азия в общественном мнении Тихоокеанской России (по итогам опроса 2013 г.) // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 5—19.

78. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Китай в общественном мнении жителей Тихоокеанской России (по итогам опроса 2017 г.) // Россия и АТР. 2018. № 2. С. 5—33.
79. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX—XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. 325 с.
80. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Экономические отношения Тихоокеанской России с Китаем: между установками, желаниями и действительностью // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2020. № 1 (90). С. 5—23.
81. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Экспертное сообщество Тихоокеанской России о внешней политике, международных отношениях и развитии Дальнего Востока (по итогам опроса 2014—2015 гг.) // Россия и АТР. 2016. № 1. С. 5—29.
82. Ларин В.Л., Мишин В.Ю., Болдырев В.Е. Сценируемый круглый стол — новая методика прогнозирования внешней политики и международных отношений: результаты апробации // Сравнительная политика. 2018. № 9 (4). С. 24—40.
83. Леонтьев Р.Г., Орлов А.Л. Стратегия развития транспортных систем России и Китая // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2015. № 2 (71). С. 26—35.
84. Лян Чжэньпин, Троякова Т.Г. Эволюция политики КНР в отношении стран Центральной Азии (1990—2018 гг.) // Известия Восточного института. 2018. № 2. С. 24—31.
85. Мищук С.Н. Роль китайских трудовых мигрантов в социально—экономическом развитии южных регионов Дальнего Востока России // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практич. конф. Благовещенск: Изд-во БГПУ. 2016. Вып. 6. С. 271—274.
86. Николаев А.М. Инвестиционная привлекательность России для китайских предпринимателей: обзор китайских аналитических материалов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 2 (83). С. 86—92.
87. Новые инструменты развития восточных районов России и китайская инициатива «Пояса и пути»: замыслы и результаты сопряжения идей, институтов и усилий / под ред. чл.-корр. РАН, проф. В.Л. Ларина. 2019. 184 с.
88. Ноженко Е.С., Пинегина И.Т. Развитие интернационализации в ведущих университетах КНР // Вестник ТОГУ. 2018. № 3 (50). С. 113—122.
89. Останин В.А. Трансграничные российско-китайские торговые отношения: эффекты конкуренции и коллаборации // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 4. С. 10—20.
90. Песцов С.К. Большая Евразия: что скрывает фасад вдохновляющей идеи // Россия и АТР. 2018. № 1. С. 8—28.
91. Песцов С.К. Регионализм в интерпретации Китая: эволюция теоретических взглядов и практической политики // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 18. Востоковедение. Международные отношения. С. 36—64.
92. Песцов С.К., Волынчук А.Б. Индекс региональной напряжённости. Северо-Восточная Азия 2017. Владивосток: ЦАТИ ИИАЭ ДВО РАН, 2018. 95 с.
93. Песцов С.К., Волынчук А.Б. Индекс региональной напряжённости. Северо-Восточная Азия 2018. Владивосток: ЦАТИ ИИАЭ ДВО РАН, 2019. 177 с.
94. Понкратова Л.А., Гончаренко В.А. Трансграничный туризм в российско-китайском взаимодействии: этапы становления и тенденции развития // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практич. конф. Благовещенск: Изд-во БГПУ. 2017. Вып. 7. С. 325—331.
95. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шёлкового пути и морского Шёлкового пути XXI века // Россия и АТР. 2015. № 3. С. 255—270.

96. Преодолевая холод. Интересы и политика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в Арктике: вызовы и возможности для России / под ред. В.Л. Ларина и С.К. Песцова. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 400 с.
97. Программа сотрудничества восточных регионов России и Северо-Восточного Китая 2009—2018: итоги и дальнейшие перспективы // У карты Тихого океана. 2018. № 3 (251). 26 с.
98. Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2015 г. // Пространственная экономика. 2016. № 2. С. 123—157.
99. Разумов Е.А. Политика КНР по обеспечению кибербезопасности // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 156—170.
100. Разумов Е.А. Цифровое диктаторство: особенности системы социального кредита в Китайской Народной Республике // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 24. Востоковедение. Международные отношения. С. 86—97.
101. Разумов Е.А., Мишин В.Ю. Реформа Народно-освободительной армии Китая на современном этапе // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 227—239.
102. Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практич. конф. / отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ. 2015. Вып. 5. 557 с.; 2016. Вып. 6. 685 с.; 2017. Вып. 7. 734 с.; 2018. Вып. 8. 950 с.
103. Россия и Китай: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 2014. 207 с.
104. Савченко А.Е. Придёт ли китайский капитал на Дальний Восток? // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 190—199.
105. Севастьянов С.Л. Новые тенденции азиатско-тихоокеанского регионализма: изоляционизм США и (вынужденное?) лидерство Китая // Ойкумена. 2017. № 4. С. 166—177.
106. Северо-Восток Китая в 2012 г.: политика, экономика и социально-демографическое развитие // У карты Тихого океана. 2013. № 30 (228). 35 с.
107. Сорокина Л.В., Тихомирова Е.С. Прогноз тенденций развития взаимной торговли между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 2 (79). С. 51—57.
108. Ставров И.В. «Возрождение Северо-Восточного Китая» в программных документах Пекина в начале XXI в. // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 69—87.
109. Ставров И.В. Идеология новой власти: книга Си Цзиньпина «О государственном управлении». Обзор // Россия и АТР. 2015. № 4. С. 263—268.
110. Ставров И.В. Малый народ большой страны: положение народа хэчжэ (нанайцев) в современном Китае // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2019. Т. 24. Востоковедение. Международные отношения. С. 98—115.
111. Ставров И.В. Образ России на страницах газеты «Хэйлунцзян жибао» // Ойкумена. 2017. № 1. С. 54—60.
112. Ставров И.В. Тенденции демографического развития неханьских национальностей Северо-Восточного Китая в начале XXI в. // Вестник ДВО РАН. 2013. № 4. С. 146—151.
113. Ставров И.В. Тенденции экономического развития Северо-Восточного Китая в начале XXI века // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 18. Востоковедение. Международные отношения. С. 173—189.
114. Ставров И.В. Экономический коридор Китай — Монголия — Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 2. С. 39—50.

115. Ставров И.В. Элосыцзу — осколок русского мира в Китае (о положении русского этнического меньшинства в КНР) // Россия и АТР. 2016. № 4. С. 116—133.
116. Ставров И.В., Кочкина Д.А. Образ России на страницах журнала «Хуанцю жэнь» // Человек и современный мир. 2018. № 12. С. 45—57.
117. Стародубцева Н.С. Туризм в Китае в 2017—2018 гг. // Вестник АмГУ. 2019. Вып. 84. С. 121—129.
118. Стецюк В.В. Современные тенденции экономического сотрудничества России и Китая // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 3 (84). С. 52—58.
119. Ступникова А.В. Интеграция рынка овощей юга Дальнего Востока РФ с российским и китайским рынками // Ойкумена. 2017. № 1. С. 116—125.
120. Суслов Д.В. Российско-китайские экономические взаимоотношения: текущая конъюнктура // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 139—161.
121. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.
122. Ткаченко Б.И. Парасельские острова как объект территориального спора в Южно-Китайском море // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 24. Востоковедение. Международные отношения. С. 54—69.
123. У карты Тихого океана. 2018. № 1 (249). 66 с.
124. Larin V., Larina L. Similarities and differences in life aspirations and value orientations of the young people in North East Asia region (Pacific Russia, China, Japan) // East Asian Review. 2017. Vol. 17. P. 101—133.

REFERENCES

1. Alekseenko A.P. Regulirovanie gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhby v KNR [The Regulation of Civil Service in China]. *Oikumena*, 2018, no. 4, pp. 109—117. (In Russ.)
2. Badaraev D.D., Vinokurova A.V., Litvinova T.N. Sozdanie ekonomicheskikh koridorov «Kitay — Mongoliya — Rossiya» kak al'ternativa «Shelkovomu puti» [The Construction of China — Mongolia — Russia Economic Corridors as an Alternative to the Silk Road]. *Oikumena*, 2017, no. 2, pp. 7—17. (In Russ.)
3. Bazhenova Zh.M., Kolegova E.A. Komu prinadlezhit Okinava? O vozmozhnosti vzniknoveniya novogo territorial'nogo spora mezhdru Kitaem i Yaponiej [Who Owns Okinawa? On the Possibility of a New Territorial Dispute between China and Japan]. *Rossiya i ATR*, 2017, no. 2, pp. 26—46. (In Russ.)
4. Baklanov P.Ya. Transgranichnye ugrozy tekhnogennogo proiskhozhdeniya dlya Tikhookeanskoj Rossii [Cross-border Technological Threats for Pacific Russia]. *U karty Tikhogo okeana*, 2018, no. 1 (249), pp. 15—17. (In Russ.)
5. Bardal A.B. K voprosu o transportnom komplekse KNR [On PRC Transport Sector]. *Prostranstvennaya Ekonomika*, 2020, vol. 16, no. 1, pp. 156—170. (In Russ.)
6. Bardal A.B., Sigitova M.A. Regional'nye aspekty realizatsii proekta «Odin pojas, odin put'»: Dal'nij Vostok Rossii [Regional Aspects of the “One Belt, One Road” Project: The Russian Far East]. *Vestnik TOGU*, 2017, no. 4 (47), pp. 215—224. (In Russ.)
7. Beloglazov G.P. APK KNR v protsesse modernizatsii. Problemy i perspektivy, investitsionnye vozmozhnosti dlya Rossii [The Modernization of Chinese Agro-industrial Complex: Problems, Prospects and Russian's Investment Opportunities]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2015, no. 2, pp. 43—50. (In Russ.)

8. Beloglazov G.P. Agrarnaya sfera i sel'skiy sotsium v direktivnykh dokumentakh na sessii VSNP [Agrarian Sphere and Rural Society in Policy Documents at the Session of the NPC]. *U karty Tikhogo okeana*, 2016, no. 44 (242), pp. 21–23. (In Russ.)
9. Boyarkina A.V., Pecheritsa V.F., Mefod'eva S.A. Traditsionnaya kul'tura Kitaya v kontekste kontseptsii «Soobshchestva edinoy sud'by dlya chelovechestva» [Traditional Chinese Culture in the Context of “Community of one shared destiny Concept”]. *Vestnik ZabGU*, 2018, vol. 24, no. 8, pp. 56–64. (In Russ.)
10. Buyarov D.V. Sin'tszyanskiy proizvodstvenno-stroitel'nyy korpus v 2000-e gg. [Xinjiang Industrial Building Corps in the 2000s.]. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-praktich. konf.* [Russia and China: History and Prospects of Cooperation. Materials of International Scientific and Practical. Conf.]. Blagoveshchensk, BGPU Publ., 2018, iss. 8, pp. 344–349. (In Russ.)
11. Vashchuk A.S. Politika privlecheniya inostrannykh trudovykh migrantov na Dal'niy Vostok Rossii: mezhdru pragmaticheskim kursom i strategiyey bezopasnosti (konets XX — nachalo XXI v.) [The Policy of Attracting Foreign Labor Migrants to the Russian Far East: between the Pragmatic Course and the Security Strategy (End of 20 — Beginning of 21 Centuries)]. *Oikumena*, 2019, no. 4, pp. 122–134. (In Russ.)
12. Vladimirova D.A., Zhurbei E.V., Karlovskaya A.A. «Myagkaya sila» vo vneshney politike Rossii i Kitaya: osobennosti natsional'nykh strategiy [“Soft Power” in Foreign Policies of Russia and China: Features of National Strategies]. *Oikumena*, 2020, no. 1, pp. 123–137. (In Russ.)
13. Vneshnepoliticheskiy kurs novogo rukovodstva stran Severnoy Patsifiki: vyzovy i shansy dlya Rossii [The New Leadership of North Pacific Countries' Foreign Policies: Challenges and Opportunities for Russia]. *U karty Tikhogo okeana*, 2013, no. 31 (229), 51 p. (In Russ.)
14. Volynchuk A.B., Volynchuk Ya.A. Rossiysko-kitayskoye sotrudnichestvo — sindrom otlozhennogo partnerstva [Russian-Chinese Collaboration — Syndrome of Deferred Partnership]. *Rossiya i ATR*, 2016, no. 2, pp. 17–26. (In Russ.)
15. Vostochnye rayony Rossii v koordinatakh vneshney politiki i mezhdunarodnykh otnosheniy v Tikhookeanskoy Azii [Russia Eastern Regions in the Coordinates of Foreign Policy and International Relations in Pacific Asia]. *U karty Tikhogo okeana*, 2018, no. 2 (250), 47 p. (In Russ.)
16. Golobokov A.S. Rol' Rossii i Kitaya v sozdanii modeli regional'noy energeticheskoy bezopasnosti v Severo-Vostochnoy Azii [The Role of Russia and China in Creation of Energy Security Regional Model in North-East Asia]. *Oikumena*, 2017, no. 1, pp. 165–166. (In Russ.)
17. Goryachev N.N. Aziatskiy vektor vneshney politiki Peru na primere KNR [Asian Path of Peruvian Foreign Policy: the China's Case]. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*, 2019, vol. 24 “Oriental studies. International relations”, pp. 38–53. (In Russ.)
18. Goryachev N.N. Razvitie meksikano-kitayskikh torgovo-ekonomicheskikh svyazey v kontse XX — nachale XXI v. [The Development of Mexican—Chinese Trade and Economic Ties at the End of 20th — beginning of 21st century]. *Aziatsko-Tikhookeanskiy Region: konkurentsia kul'tur, gosudarstv, idey. XV vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya molodykh uchenykh (Vladivostok, 25–26 aprelya 2016): materialy konferentsii* [Asia-Pacific Region: Competition of Cultures, States, Ideas. 25th All-Russian Scientific Conference of Young Scientists (Vladivostok, April 25–26, 2016): Conference proceedings]. Vladivostok, IHAЕ FEB RAS Publ., 2016, pp. 17–18. (In Russ.)
19. Gubin A.V. Voенно-morskaya politika klyuchevykh stran ATR: Analiticheskie obzory RISI [Naval Policy of Key Asia-Pacific Countries: RISI Analytical Reviews]. Moscow, RISI Publ., 2015, iss. 3, 50 p. (In Russ.)

20. Gubin A.V. Voenno-morskie sily kak instrument sovremennoy politiki Kitayskoy Narodnoy Respubliki [PLA Navy as a Main Promoter of Contemporary China's National Interests]. *Rossiya i ATR*, 2018, no. 1, pp. 187—202. (In Russ.)
21. Gubin A.V. Kitaysko-yaponskie raznoglasiya v Vostochno-kitayskom more [Sino-Japanese Tensions in East-China Sea]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2017, no. 4, pp. 4—12. (In Russ.)
22. Davydov Z.V. Ekonomicheskaya politika Kitaya v Tsentral'no-Aziatskom regione i ee posledstviya dlya Rossii [China's Economic Policy in Central Asia and its Implications for Russia]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2015, no. 2, pp. 19—29. (In Russ.)
23. Druziaka A.V. Sovremennaya problema kitayskoy immigratsii: kak k ney odnosit'sya? [The Current Problem of Chinese Immigration: How to Relate to it?]. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-praktich. konf.* [Russia and China: History and Prospects of Cooperation. Materials of International Scientific and Practical Conf.]. Blagoveshchensk, BGPU Publ., 2017, vol. 7, pp. 272—277. (In Russ.)
24. Dybovskii A.S., Larina L.L. O nekotorykh skhodstvakh i razlichiyakh zhiznennykh pozitsiy, ustremleniy i tsennostnykh orientatsiy yaponskoy i kitayskoy studencheskoy molodezhi [On Some Similarities and Differences of Japanese and Chinese Students' Life Positions, Aspirations and Value Orientations]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2018, no. 2 (38), pp. 57—84. (In Russ.)
25. Embulaev V.N., Embulaev D.V. Vneshnyaya trgovlya kak faktor ekonomicheskogo rosta i razvitiya mezhdru Rossiei i Kitaem [Foreign Trade as a Factor of Economic Growth and Development between Russia and China]. *Vestnik TOGU*, 2016, no. 2 (41), pp. 139—148. (In Russ.)
26. Zabrovskaya L.V. Antikorrupsionnaya sostavlyayushchaya kitayskikh ekonomicheskikh reform i NOAK [The Anti-corruption Component of the Chinese Economic Reforms and the PLA]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2015, no. 2, pp. 10—18. (In Russ.)
27. Zabrovskaya L.V. Kitayskiy opyt bor'by s korruptsiei v period ekonomicheskikh reform [The Chinese Experience of Fight Against Corruption During Economic Reforms]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*, 2015, no. 1 (70), pp. 82—88. (In Russ.)
28. Zadorozhin V.A. Privlekatel'nost' VUZOV KNR dlya rossiyskikh studentov [Attraction of Chinese Universities to Russian Students]. *Vestnik TOGU*, 2017, no. 4 (47), pp. 413—422. (In Russ.)
29. Zolotukhin I.N. Territorial'nye spory v Yuzhno-Kitayskom more: sovremennoe sostoyanie problemy [Territorial Disputes in the South China Sea: the Current State of the Problem]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2017, no. 4, pp. 13—24. (In Russ.)
30. Zubarev A.E., Belevich E.A., Petrova E.A. Analiz sostoyaniya sovremennoy sistemy obrazovaniya Kitaya [Analysis of Modern Educational System of China]. *Vestnik TOGU*, 2017, no. 1 (44), pp. 87—98.
31. Zubarev A.E., Belevich E.A., Petrova E.A. Analiz strategii razvitiya nauchno-tekhnicheskogo potentsiala KNR [Analysis of Development Strategy for Scientific and Technical Potential of China]. *Vestnik TOGU*, 2017, no. 2 (45), pp. 109—116. (In Russ.)
32. Zubarev A.E., Belevich E.A. Rezul'taty monitoringa vzaimodeystviya universitetov-partnerov Assotsiatsii vuzov Dal'nego Vostoka i Sibiri Rossii i Severo-vostochnykh regionov Kitaya [Results of Monitoring the Cooperation of Member Universities under Association of the Universities of Russian Far East and Siberia and Chinese Northeastern Provinces]. *Vestnik TOGU*, 2016, no. 4 (43), pp. 115—122. (In Russ.)
33. Zuenko I.Yu. Byurokратиya v usloviyakh frontira: problema effektivnosti regional'nykh vlastey v rossiysko-kitayskikh otnosheniyakh [Bureaucracy under

- the Conditions of the Frontier: the Problem of the Effectiveness of Regional Authorities in Russian-Chinese Relations]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*, 2017, no. 1, pp. 51–64. (In Russ.)
34. Zuenko I.Yu. Kitayskiy klub v Kontinental'noy khokkeynoy lige: est' li budushchee u proekta? [Chinese Club in Kontinental Hockey League: Does the Project Have a Future?]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2019, no. 3, pp. 150–160. (In Russ.)
 35. Zuenko I.Yu. Odin «Poyas», dva puti: vospriyatie kitayskikh integratsionnykh initsiativ v Rossii i Kazakhstane (2014–2017) [One “Bel” Two Roads: Perception of China Integration Initiatives in Russia and Kazakhstan (2014–2017)]. *Rossiya i ATR*, 2018, no. 1, pp. 118–132. (In Russ.)
 36. Zuenko I.Yu. Realizatsiya politiki Tsentra v kitayskikh regionakh: nekotorye aspekty problemy (v kontekste stroitel'stva Novogo Shëlkovogo puti) [Center-Local Relations in China: Some Aspects of the Problem (in the Context of Silk Road Economic Belt Development)]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2016, no. 2, pp. 4–12. (In Russ.)
 37. Zuenko I.Yu. Starshiy syn respubliki: kak Severo-Vostochnyy Kitay perestal byt' flagmanom kitayskogo futbola [The Republic's Elder Son: How Northeast China Ceased to be Chinese Football Leading Force]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2019, no. 1, pp. 82–94. (In Russ.)
 38. Zuenko I.Yu. Tri slagaemykh uspekha kitayskogo basketbola [Three Factors of Chinese Basketball's Success]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2019, no. 2, pp. 112–122. (In Russ.)
 39. Zuenko I.Yu. Ukreplenie «vertikali vlasti» po-kitayski: kadrovaya politika v otnoshenii regional'nogo rukovodstva v sovremennom Kitae [Strengthening of “Power Vertical”: Allocation and Promotion of Regional Leaders in Modern China]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 30–46. (In Russ.)
 40. Zuenko I.Yu. Futbol kak natsional'naya ideya: kitayskaya mechta [Football as a National Idea: Chinese Dream]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2018, no. 4, pp. 119–127. (In Russ.)
 41. Zuenko I.Yu., Ivanov S.A., Savchenko A.E. Kitayskie investitsii na rossiyskom Dal'nem Vostoke [Chinese Investments in the Russian Far East]. *World Economy and International Relations*, 2019, no. 11, pp. 105–113. (In Russ.)
 42. Zuenko I.Yu., Sonin V.V. Pravovye ogranicheniya i neformal'nye praktiki zemlepol'zovaniya kitayskikh fermerov na Dal'nem Vostoke Rossii [Legal Restrictions and Informal Land Use Practices of Chinese Farmers in the Russian Far East]. *Pravoprimenenie*, 2017, no. 1, pp. 57–65. (In Russ.)
 43. Ivanov S.A. Bez polnomochiy, resursov i tseley: rol' regional'noy vlasti Dal'nego Vostoka v prodvizhenii ekonomicheskogo sotrudnichestva s Kitaem [Without Authority, Resources and Aims: How Do Regional Authorities of the Russian Far East Promote Economic Cooperation with China]. *Rossiya i ATR*, 2016, no. 2, pp. 28–45. (In Russ. and in Eng.)
 44. Ivanov S.A. Vliyanie gosudarstva na rossiysko-kitayskie torgovo-ekonomicheskie vzaimodeystviya [State's Penetration in Russian-Chinese Trade and Economic Cooperation]. *Rossiya i ATR*, 2013, no. 4, pp. 59–72. (In Russ.)
 45. Ivanov S.A. Investitsii kompaniy provintsii Kheyluntszyan v Rossii: osobennosti rosta v usloviyakh gospodderzhki [Investments of Heilongjiang Provincial Companies in Russia: Features of Growth under State Support]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2015, no. 5, pp. 46–58. (In Russ.)
 46. Ivanov S.A. Kitayskiy kapital kak faktor etnizatsii prostranstva gorodov i sel Primorskogo kraya [Chinese Capital as a Factor of Ethnization of Urban and Rural Areas of Primorsky Krai]. *Proceedings of Tomsk state university. History*, 2015, no. 5 (37), pp. 120–127. (In Russ.)

47. Ivanov S.A. Nauchno-tehnicheskaya politika Kitaya: priorityy dogonyayushchego razvitiya i rezul'taty [China's Science and Technology Policy: Priorities of Catching—up Development and Results]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2018, no. 2, pp. 6—23. (In Russ.)
48. Ivanov S.A. Pragmatizm i konspirologiya: predstavleniya chinovnikov yuga Dal'nego Vostoka Rossii o kitayskikh investorakh [Pragmatism and Conspiracy Theories: the Russian Far East Officials' Idea of Chinese Investors]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 2017, vol. 21, pp. 110—117. (In Russ.)
49. Ivanov S.A. Problemy i ogranichiteli razvitiya mezhdunarodnykh svyazey Tikhookeanskoj Rossii s Kitaem [Problems and Limiters of Pacific Russia — China Relations]. *U karty Tikhogo okeana*, 2015, no. 41 (239), pp. 19—24. (In Russ.)
50. Ivanov S.A. Programma sotrudnichestva vostochnykh regionov Rossii i severo-vostochnykh regionov Kitaya: politicheskaya znachimost' i ekonomicheskaya effektivnost' [Program of Cooperation between the Eastern Regions of Russia and the North-Eastern Regions of China: Political Importance and Economic Efficiency]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*, 2018, no. 1 (82), pp. 54—65. (In Russ.)
51. Ivanov S.A. Severo-Vostok v regional'noy politike tsentral'nogo pravitel'stva Kitaya v 2000—2010-e gg. [Northeast in the Regional Policy of Central Government of China in the 2000—2010s]. *Rossiya i ATR*, 2017, no. 4, pp. 47—68. (In Russ.)
52. Ivanchenko O.G., Kukhta K.T., Zubareva E.A. Rezhimy i mekhanizmy rasshireniya rossiysko-kitayskogo sotrudnichestva na Dal'nem Vostoke. Investitsionnye vozmozhnosti dvukh stran [Modes and Mechanisms of Expansion of Russian-Chinese Cooperation in the Far East. Investment Opportunities for Two Countries]. *Vestnik TOGU*, 2017, no. 4 (47), pp. 203—214. (In Russ.)
53. Izotov D.A. Investitsionnoe sotrudnichestvo Dal'nego Vostoka Rossii s subglobal'nymi ekonomicheskimi strukturami v usloviyakh retsessii natsional'noy ekonomiki [Russian Far East' Investment Cooperation with Sub-Global Economic Structures under the Conditions of the National Economy's Recession]. *Prostranstvennaya ekonomika*, 2018, no. 1, pp. 138—153. (In Russ.)
54. Izotov D.A. Programma regional'nogo sotrudnichestva mezhdru vostokom Rossii i severo—vostokom Kitaya: nastoyashchee i budushchee [Program of Regional Collaboration between Eastern Part of Russia and Northeast China: Present and Future]. *Prostranstvennaya ekonomika*, 2014, no. 2, pp. 149—176. (In Russ.)
55. Izotov D.A., Motrich E.L. Demograficheskie vyzovy dlya ekonomiki KNR [Demographic Challenges for the Economy of China]. *Rossiya i ATR*, 2014, no. 3, pp. 61—83. (In Russ.)
56. Istoriya Severo-Vostochnogo Kitaya XVII—XXI vv.: v 5 kn. Kn. 5. Severo-Vostochnyy Kitay v period vozrozhdeniya staropromyshlennoy bazy [The History of Northeast China 17th—21st Century: in 5 vol. Vol. 5. Northeast China during the Revival of Old Industrial Base]. Vladivostok, IHAE FEB RAS Publ., 2018, 356 p. (In Russ.)
57. Itogi XIX s'ezda Kommunisticheskoy partii Kitaya: ozhidaniya, otsenki, perspektivy (po materialam kruglogo stola) [Results of the 19th Congress of Chinese Communist Party: Expectations, Assessments, and Prospects (Based on the Round Table Materials)]. *U karty Tikhogo okeana*, 2017, no. 49 (247), 36 p. (In Russ.)
58. Itogi vesennego politicheskogo sezona v KNR: sessii VSNP i VK NPKSK v 2016 godu (po materialam kruglogo stola) [The Results of the Spring Political Season in the PRC: Sessions of the NPC and the CPPCC in 2016 (Based on the Round Table Materials)]. *U karty Tikhogo okeana*, 2016, no. 44 (242), 28 p. (In Russ.)
59. Kalachinskii A.V. «Povorot Rossii na Vostok»: pressa i formirovanie obshchestvennogo mneniya o vzaimootnosheniyakh Rossii i Kitaya [Russia's Turn to the East:

- Print Media and Forming Public Opinion about Relation of Russia and China]. *Rossiya i ATR*, 2015, no. 3, pp. 127—140. (In Russ.)
60. Kireev A.A. Vozdeystviye rossiyskoy migratsionnoy politiki na dinamiku transgranichnoy migratsii iz Kitaya [The Impact of Russian Migration Policy on the Dynamics of Cross-border Migration from China]. *Oikumena*, 2014, no. 4, pp. 8—25. (In Russ.)
 61. Kitay v protsesse modernizatsii gosudarstva i obshchestva (k itogam XVIII s"ezda KPK) [China in the Process of Modernization of the State and Society (Following the Results of the 18th Congress of the CPC)]. *U karty Tikhogo okeana*, 2012, no. 28 (226), 40 p. (In Russ.)
 62. Kitay na rasput'e: k itogam 3-go plenuma TsK KPK 18-go sozyva (po materialam kruglogo stola) [China at a Crossroads: the Outcome of 3rd Plenary Session of CPC Central Committee (Based on the Round Table Materials)]. *U karty Tikhogo okeana*, 2013, no. 33 (231), 27 p. (In Russ.)
 63. Kozlov L.E. Vliyanie mezhdunarodnoy politiki na privlechenie inostrannykh investitsiy v osobye ekonomicheskie zony [The Influence of International Politics on Attracting Foreign Investment in Special Economic Zones]. *Rossiya i ATR*, 2018, no. 3, pp. 16—30. (In Russ.)
 64. Kozlov L.E., Nikulina A.K. Politicheskaya sreda kitayskogo biznesa na rossiyskom Dal'nem Vostoke [Chinese Business' Political Environment in the Russian Far East]. *Rossiya i ATR*, 2015, no. 1, pp. 24—38. (In Russ.)
 65. Kondratenko G.V. Dinamika mezhdunarodnykh i politicheskikh protsessov v Kitae v pervoy polovine 2017 g. [The Dynamics of International and Political Processes in China in the First Half of 2017]. *U karty Tikhogo okeana*, 2017, no. 48 (246), pp. 14—16. (In Russ.)
 66. Kondratenko G.V. Problemy i vozmozhnosti transgranichnogo sotrudnichestva Kitaya i Rossii v sfere ekologii [Problems and Opportunities for Cross-border Cooperation between China and Russia in Ecology]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2017, no. 2, pp. 40—58. (In Russ.)
 67. Kondratenko G.V. Transgranichnyy turizm: perspektivy i vyzovy rossiysko-kitayskogo sotrudnichestva [Cross-Border Tourism: Prospects and Challenges of Russian-Chinese Cooperation]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2018, no. 4 (40), pp. 94—111. (In Russ.)
 68. Korol' A.N. Rynok reklamnykh uslug KNR: problemy razvitiya [The Advertising Service Market of China, Development Problems]. *Vestnik TOGU*, 2017, no. 1 (44), pp. 99—104. (In Russ.)
 69. Kulakova V.A., Cherdakova T.B. Zakonodatel'stvo Kitaya protiv domashnego nasiliya [Chinese Law against Domestic Violence]. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-praktich. konf.* [Russia and China: History and Prospects of Cooperation. Materials of International Scientific and Practical. Conf.]. Blagoveshchensk, BGPU Publ., 2018, pp. 379—384. (In Russ.)
 70. Labiuk A.I. Politika KNR v Arkticheskom regione: gosudarstvennye i kommercheskie proekty [The policy of the People's Republic of China in the Arctic Region: Government and Commercial Projects]. *Rossiya i ATR*, 2016, no. 1, pp. 96—106. (In Russ.)
 71. Lavrentiev A.V. Rossiyskiy Dal'niy Vostok i strany Severo-Vostochnoy Azii: nekotorye itogi, problemy i perspektivy transportnogo sotrudnichestva [The Russian Far East and the Countries of Northeast Asia: Some Results, Problems and Prospects of Transport Cooperation]. *Izvestiya Vostochnogo instituta* 2016, no. 1, pp. 67—74. (In Russ.)
 72. Larin V.L. «Kitayskaya ekspansiya» v vostochnykh rayonakh Rossii v nachale XXI v. cherez prizmu komparativistskogo analiza [“Chinese Expansion” in the Eastern Regions of Russia at the Beginning of the 21st Century: Through the Prism of Comparative Analysis]. *Sravnitel'naya politika*, 2020, no. 2, pp. 9—27. (In Russ.)

73. Larin V.L. Pochemu «Rossiya i ATR» publikuet kitayskiy dokument [Why “Russia and the Pacific” Journal Publishes a Chinese Document]. *Rossiya i ATR*, 2015, no. 3, pp. 250—252. (In Russ.)
74. Larin V.L. Rossiysko-kitayskoe transgranich’ye v kontekste proektov evraziyskoy integratsii [Russia-China Transboundary Region from the Perspective of Eurasian Projects]. *World Economy and International Relations*, 2016, no. 12, pp. 69—81. (In Russ.)
75. Larin V.L. Tikhookeanskaya Rossiya v rossiysko-kitayskikh otnosheniyakh: zatyanyuvsheesya ozhidanie proryva [Russia’s Pacific in the Russo-Chinese Relations: Prolonged Waiting of Breakthrough]. *Rossiya i ATR*, 2014, no. 3, pp. 5—21. (In Russ.)
76. Larin V.L., Larina L.L. Vospriyatie migrantov iz Vostochnoy Azii zhitelyami Tikhookeanskoj Rossii (po itogam sotsiologicheskikh oprosov 2017 i 2019 gg.) [How the Citizens of Pacific Russia View the Migrants from East Asian Countries (on the Base of Public Opinion Surveys of 2017 and 2019)]. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*, 2019, vol. 24 “Oriental studies. International relations”, pp. 7—22. (In Russ.)
77. Larin V.L., Larina L.L. Vostochnaya Aziya v obshchestvennom mnenii Tikhookeanskoj Rossii (po itogam oprosa 2013 g.) [East Asia in the Public Opinion of Pacific Russia (Based on a 2013 Survey)]. *Rossiya i ATR*, 2014, no. 2, pp. 5—19. (In Russ.)
78. Larin V.L., Larina L.L. Kitay v obshchestvennom mnenii zhiteley Tikhookeanskoj Rossii (po itogam oprosa 2017 g.) [China in the Public Opinion of the Inhabitants of Pacific Russia (Based on a 2017 Survey)]. *Rossiya i ATR*, 2018, no. 2, pp. 5—33. (In Russ.)
79. Larin V.L., Larina L.L. *Okruzhayushchiy mir glazami dal’nevostochnikov: evolyutsiya vzglyadov i predstavleniy na rubezhe XX—XXI vekov* [Russia Far East View the World: the Evolution of People’s Perception and Attitudes at the turn of the 20th — 21st Centuries]. Vladivostok, Dal’nauka Publ., 2011, 325 p. (In Russ.)
80. Larin V.L., Larina L.L. Ekonomicheskie otnosheniya Tikhookeanskoj Rossii s Kitayem: mezhdunarodnykh otnosheniya i deystvitel’nost’yu [Economic Relations between Pacific Russia and China: Statements, Wishes and Reality]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal’nem Vostoke*, 2020, no. 1 (90), pp. 5—23. (In Russ.)
81. Larin V.L., Larina L.L. Ekspertnoe soobshchestvo Tikhookeanskoj Rossii o vneshney politike, mezhdunarodnykh otnosheniyakh i razvitiy Dal’nego Vostoka (po itogam oprosa 2014—2015 gg.) [The Expert Community of Pacific Russia on Foreign Policy, International Relations, and the Development of the Far East (Based on a 2014—2015 Survey)]. *Rossiya i ATR*, 2016, no. 1, pp. 5—29. (In Russ.)
82. Larin V.L., Mishin V.Y., Boldyrev V.E. Stseniruemyy kruglyy stol — novaya metodika prognozirovaniya vneshney politiki i mezhdunarodnykh otnosheniy: rezul’taty aprobatsii [Scripted Round Table as a New Methodic for Foreign Policy and International Relations Forecast: Approbation Results]. *Sravnitel’naya politika*, 2018, no. 9 (4), pp. 24—40. (In Russ.)
83. Leontiev R.G., Orlov A.L. Strategiya razvitiya transportnykh sistem Rossii i Kitaya [Development Strategy for Transport Systems of Russia and China]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal’nem Vostoke*, 2015, no. 2 (71), pp. 26—35. (In Russ.)
84. Liang Zhenpeng, Troyakova T.G. Evolyutsiya politiki KNR v otnoshenii stran Tsentral’noy Azii (1990—2018 gg.) [Evolution of PRC’s Policy toward Central Asia’s Countries (1990—2018)]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2018, no. 2, pp. 24—31. (In Russ.)
85. Mishchuk S.N. Rol’ kitayskikh trudovykh migrantov v sotsial’no-ekonomicheskom razvitiy yuzhnykh regionov Dal’nego Vostoka Rossii [The Role of Chinese Labor Migrants in the Socio-Economic Development of the Southern Regions of the Russian

- Far East]. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-praktich. konf.* [Russia and China: history and prospects of cooperation. Materials of International Scientific and Practical. Conf.]. Blagoveshchensk, BGPU Publ. 2016, vol. 6, pp. 271–274. (In Russ.)
86. Nikolayev A.M. Investitsionnaya privlekatel'nost' Rossii dlya kitayskikh predprinimateley: obzor kitayskikh analiticheskikh materialov [Russia's Investment Attractiveness for the Chinese Entrepreneurs: an Overview of the Chinese Analytical Materials]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*, 2018, no. 2 (83), pp. 86–92. (In Russ.)
 87. *Novye instrumenty razvitiya vostochnykh rayonov Rossii i kitayskaya initsiativa «Poyasa i puti»: zamysly i rezul'taty sopryazheniya idey, institutov i usilij* [The New Tools for the Russia Eastern Regions Development and the Chinese “Belts and Road Initiative: the Intentions and Results of the Combination of Ideas, Institutions and Efforts] (manuscript). Ed. by V.L. Larin. 2019, 184 p. (In Russ.)
 88. Nozhenko E.S., Pinegina I.T. Razvitie internatsionalizatsii v vedushchikh universitetakh KNR [Development of Internationalization in the Leading Universities of PRC]. *Vestnik TOGU*, 2018, no. 3 (50), pp. 113–122. (In Russ.)
 89. Ostanin V.A. Transgranichnye rossiysko-kitayskie torgovyе otnosheniya: efekty konkurentsii i kollaboratsii [Cross-Border Russian-Chinese Trade Relations: the Effects of Competition and Collaboration]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*, 2018, no. 4, pp. 10–20. (In Russ.)
 90. Pestsov S.K. Bol'shaya Evraziya: chto skryvaet fasad vdokhnovlyayushchey idei [Great Eurasia: What is Hidden behind the Inspiring Idea]. *Rossiya i ATR*, 2018, no. 1, pp. 8–28. (In Russ.)
 91. Pestsov S.K. Regionalizm v interpretatsii Kitaya: evolyutsiya teoreticheskikh vzglyadov i prakticheskoy politiki [Regionalism in Interpretation of China: the Evolution of Theoretical Views and Practical Policies]. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*, vol. 18 “Oriental studies. International relations”, 2018, pp. 36–64. (In Russ.)
 92. Pestsov S.K., Volynchuk A.B. *Indeks regional'noy napryazhennosti. Severo-Vostochnaya Aziya 2017* [Regional Tension Index. Northeast Asia 2017]. Vladivostok, CAPS IHAЕ FEB RAS Publ., 2018, 95 p. (In Russ.)
 93. Pestsov S.K., Volynchuk A.B. *Indeks regional'noy napryazhennosti. Severo-Vostochnaya Aziya 2018* [Regional Tension Index. Northeast Asia 2018]. Vladivostok, CAPS IHAЕ FEB RAS Publ., 2019, 177 p. (In Russ.)
 94. Ponkratova L.A., Goncharenko V.A. Transgranichnyy turizm v rossiysko-kitayskom vzaimodeystvii: etapy stanovleniya i tendentsii razvitiya [Cross-border Tourism in the Russian—Chinese Interaction: Stages and Trends of Development]. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-praktich. konf.* [Russia and China: History and Prospects of Cooperation. Materials of International Scientific and Practical. Conf.]. Blagoveshchensk, BGPU Publ., 2017, pp. 325–331. (In Russ.)
 95. Prekrasnye perspektivy i prakticheskie deystviya po sovместnomu sozdaniyu ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti i morskogo Shelkovogo puti XXI veka [Splendid Outlooks and Practical Measures on Joint Creation of the Silk Route Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Route]. *Rossiya i ATR*, 2015, no. 3, pp. 255–270. (In Russ.)
 96. *Preodolevaya kholod. Interesy i politika stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona v Arktike: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii* [Breaking the Cold. Interests and Policies of the Asia-Pacific Countries in Arctic: Challenges and Prospects for Russia]. Ed. by V.L. Larin and S.K. Pestsov. Vladivostok, IHAЕ FEB RAS Publ., 2017, 400 p. (In Russ.)

97. Programma sotrudnichestva vostochnykh regionov Rossii i Severo-Vostochnogo Kitaya 2009—2018: itogi i dal'neyshie perspektivy [The Program of Cooperation of the Eastern Regions of Russia and the North-East of China, 2009—2018: Results and Further Perspectives]. *U karty Tikhogo okeana*, 2018, no. 3 (251), 26 p. (In Russ.)
98. Prokapalo O.M., Isaev A.G., Mazitova M.G. Ekonomicheskaya kon'yunktura v Dal'nevostochnom federal'nom okruge v 2015 g. [Economic Situation in the Far Eastern Federal District in 2015]. *Prostranstvennaya ekonomika*, 2016, no. 2, pp. 123—157. (In Russ.)
99. Razumov E.A. Politika KNR po obespecheniyu kiberbezopasnosti [PRC's Cybersecurity Policy]. *Rossiya i ATR*, 2017, no. 4, pp. 156—170. (In Russ.)
100. Razumov E.A. Tsifrovoye diktatorstvo: osobennosti sistemy sotsial'nogo kredita v Kitayskoy Narodnoy Respublike [Digital Dictatorship: Features of Social Credit System in the Peoples Republic of China]. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*, vol. 24 "Oriental studies. International relations", 2019, pp. 86—97. (In Russ.)
101. Razumov E.A., Mishin V.Yu. Reforma Narodno-osvoboditel'noy armii Kitaya na sovremennom etape [Reform of People's Liberation Army of China at the Present Stage]. *Rossiya i ATR*, 2018, no. 4, pp. 227—239. (In Russ.)
102. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-praktich. konf.* [Russia and China: History and Prospects of Cooperation. Materials of International Scientific and Practical. Conf.]. Ed. by D.V. Buyarov, D.V. Kuznetsov. Blagoveshchensk: BGPU Publ., 2015, iss. 5, 557 p.; 2016, iss. 6, 685 p.; 2017, iss. 7, 734 p.; 2018, iss. 8, 950 p. (In Russ.)
103. *Rossiya i Kitay: opyt i potentsial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodeystviya* [Russia and China: Experience and Potential of Regional and Crossborder Interactions]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2014, 207 p. (In Russ.)
104. Savchenko A.E. Pridet li kitayskiy kapital na Dal'niy Vostok? [Will Chinese Capital Come to the Russian Far East?]. *Rossiya i ATR*, 2014, no. 4, pp. 190—199. (In Russ.)
105. Sevast'yanov S.V. Novye tendentsii aziatsko-tikhookeanskogo regionalizma: izolyatsionizm SShA i (vynuzhdennoe?) liderstvo Kitaya [New Tendencies of the Asia-Pacific Regionalism: American Isolationism and (Reluctant?) Chinese Leadership]. *Oikumena*, 2017, no. 4, pp. 166—177. (In Russ.)
106. Severo-Vostok Kitaya v 2012 g.: politika, ekonomika i sotsial'no-demograficheskoe razvitie [Northeast China in 2012: Politics, Economics and Socio-Demographic Development]. *U karty Tikhogo okeana*, 2013, no. 30 (228), 35 c. (In Russ.)
107. Sorokina L.V., Tikhomirova E.S. Prognoz tendentsiy razvitiya vzaimnoy trgovli mezhdu Rossiyskoy Federatsiyey i Kitayskoy Narodnoy Respublikoy [Trend Forecasting in the Development of Bilateral Trade between the Russian Federation and People's Republic of China]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*, 2017, no. 2 (79), pp. 51—57. (In Russ.)
108. Stavrov I.V. «Vozrozhdenie Severo—Vostochnogo Kitaya» v programmnykh dokumentakh Pekina v nachale XXI v. ["Revival of Northeast China" in the Program Documents of Beijing at the Beginning of the 21st Century]. *Rossiya i ATR*, 2017, no. 4, pp. 69—87. (In Russ.)
109. Stavrov I.V. Ideologiya novoy vlasti: kniga Si Tszin'pina «O gosudarstvennom upravlenii». Obzor [New Government's Ideology: Xi Jinping's Book "On State Administration". A Review]. *Rossiya i ATR*, 2015, no. 4, pp. 263—268. (In Russ.)
110. Stavrov I.V. Malyy narod bol'shoy strany: polozhenie naroda khechzhe (nanaytsev) v sovremennom Kitae [The Small People of a Large Country: the Situation of the Hezhe (Nanai) in Contemporary China]. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*, 2019, vol. 24 "Oriental studies. International relations", pp. 98—115. (In Russ.)

111. Stavrov I.V. Obraz Rossii na stranitsakh gazety «Kheyluntszyan zhibao» [The Image of Russia in the Newspaper “Heilongjiang Daily”]. *Oikumena*, 2017, no. 1, pp. 54–60. (In Russ.)
112. Stavrov I.V. Tendentsii demograficheskogo razvitiya nekhans’kikh natsional’nostey Severo-Vostochnogo Kitaya v nachale XXI v. [The Trends of Northeast China Non-Han Nationalities Demographic Development at the Beginning of the 21st Century]. *Vestnik DVO RAN*, 2013, no. 4, pp. 146–151. (In Russ.)
113. Stavrov I.V. Tendentsii ekonomicheskogo razvitiya Severo-Vostochnogo Kitaya v nachale XXI veka [Economic Development Trends in Northeast China at the Beginning of the 21st Century]. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*, 2018, vol. 18 “*Oriental studies. International relations*”, pp. 173–189. (In Russ.)
114. Stavrov I.V. Ekonomicheskii koridor Kitay – Mongoliya – Rossiya v strategii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya provintsii Kheyluntszyan [Economic Corridor China – Mongolia – Russia in the Strategy of Heilongjiang Province Social and Economic Development]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal’nem Vostoke*, 2017, no. 2, pp. 39–50. (In Russ.)
115. Stavrov I.V. Elosytszu – oskolok russkogo mira v Kitae (o polozhenii russkogo etnicheskogo men’shinstva v KNR) [Eluosizu – a Fragment of the Russian World in China (the Position of Russian National Minority in PRC)]. *Rossiia i ATR*, 2016, no. 4, pp. 116–133. (In Russ.)
116. Stavrov I.V., Kochkina D.A. Obraz Rossii na stranitsakh zhurnala «Khuantsyu zhen’u» [The Image of Russia on the Pages of “Huangqiu Renwu”]. *Chelovek i sovremennyy mir*, 2018, no. 12, pp. 45–57. (In Russ.)
117. Starodubceva N.S. Turizm v Kitae v 2017–2018 gg. [Tourism in China in 2017–2018]. *Vestnik AmGU*, 2019, iss. 84, pp. 121–129. (In Russ.)
118. Stetsuk V.V. Sovremennye tendentsii ekonomicheskogo sotrudnichestva Rossii i Kitaya [Current Trends in Economic Cooperation between Russia and China]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal’nem Vostoke*, 2018, no. 3 (84), p. 52–58. (In Russ.)
119. Stupnikova A.V. Integratsiya rynka ovoshchey yuga Dal’nego Vostoka RF s rossiyskim i kitayskim rynkami [Integration of the Vegetable Market of the South Part of the Russian Far East with the Russian and Chinese Markets]. *Oikumena*, 2017, no. 1, pp. 116–125. (In Russ.)
120. Suslov D.V. Rossiysko-kitayskie ekonomicheskie vzaimootnosheniya: tekushchaya kon’yunktura [Russian-Chinese Economic Relations: Current Situation]. *Prostranstvennaya ekonomika*, 2018, no. 4, pp. 139–161. (In Russ.)
121. *Tikhookeanskaya Rossiya v integratsionnom prostranstve Severnoy Patsifiki v nachale XXI veka: opyt i potentsial regional’nogo i prigranichnogo vzaimodeystviya* [Pacific Russia in the Integration Space of the North Pacific at the Beginning of the 21st Century: Experience and Potential of Regional and Cross-border Interaction]. Vladivostok, IHAЕ FEB RAS Publ., 2017, 386 p. (In Russ.)
122. Trachenko B.I. Parasel’skie ostrova kak ob’ekt territorial’nogo spora v Yuzhno-Kitayskom more [Paracel Islands as Object of Territorial Dispute in the South China Sea]. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*, 2019, vol. 24 “*Oriental studies. International relations*”, pp. 54–69. (In Russ.)
123. *U karty Tikhogo okeana*, 2018, no. 1 (249), 66 p. (In Russ.)
124. Larin V., Larina L. Similarities and differences in life aspirations and value orientations of the young people in North East Asia region (Pacific Russia, China, Japan). *East Asian Review*, 2017, vol. 17, pp. 101–133. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 30.06.2020